

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ЧЕРНЫЕ

БУШЛАТЫ

Черные бушлаты

Александр Конторович

Черные бушлаты

«Автор»

2010

Конторович А. С.

Черные бушлаты / А. С. Конторович — «Автор»,
2010 — (Черные бушлаты)

По странной и трагической случайности военный пенсионер, майор Котов непостижимым образом попадает в тело матерого зека Манзырева. Эшелон с заключенными разбомблен немецкой авиацией, уцелевших зеков гонят в тыл. Но фронт наступает слишком быстро – и вот уже Котов оказывается в немецком тылу. Вокруг враги, за спиной висит смертный приговор, полученный от советского суда. Друзей никаких нет и не ожидается, в глазах окружающих Манзырев выглядит немецким прихвостнем. Советская разведка и городское подполье получают приказ на уничтожение бывшего зека. Помогут ли знания и опыт бывшего офицера элитного спецподразделения выйти живым из создавшейся ситуации? Перейти линию фронта, чтобы доставить к своим важные материалы и спасти ещё остающихся во вражеском тылу советских солдат?

Александр Конторович

«Черные бушлаты». Диверсант из будущего

– Еще воды плесни!

– Держи! – и Серега плеснул на камни полный ковшик.

Пар шарахнул в потолок, и у меня захватило дыхание.

– Злодей! На фига ж так много-то?

– Ты просил – я плеснул.

– Да уж, не пожадничай. Ладно, и впрямь уже пора вылезать. – Я спрыгнул с полка и пошлепал ногами к двери.

В предбаннике я уселся за стол и подтащил поближе бутылку с кока-колой. Бухнула дверь, и Сергей выскочил за мной следом. В отличие от меня, он предпочитал пиво.

– Хорошо... – Я расслабленно откинулся на спинку дивана. – Ничего делать не хочу. Так бы и сидел всю ночь.

– Да ты вроде и так по лесам круги не нарезаешь. Чего тебе-то делов – сиди да смотри по сторонам. Это мы тут как проклятые пашем.

– Это вы-то проклятые? Чтоб меня так кто проклял! – Сергей был шеф-поваром в нашем ресторане.

– Ну, в отличие от тебя, у нас конкретное дело есть. Думаешь, полста человек за раз накормить легко? Да еще изысками всякими?

– Ну, у всех свое дело. Ты вон кормишь, я по сторонам смотрю, чтоб тебе это делать не мешали.

– Интересно ты смотришь. Как ни гляну – сидишь да дремлешь или языком треплешь с обслугой.

– Я не просто так дремлю, я силы коплю. И болтаю не просто так, надо же знать – кто и что видел, о чем думает? Чего от кого ждать. А уж за узбеками нашими, сам знаешь – глаз да глаз!

– Силы копишь?

– Ты кота видел? Как он на солнышке лежит?

– Да, кто ж их не видел-то? Ну лежит, и что?

– А как он на птичку опосля этого прыгает? Есть промежуток у него между прыжком и сном?

– Нет, он сразу и сигает.

– Вот и я так. Нельзя все время в напряге быть – перегоришь и в итоге лоханешься.

– Интересная теория.

– Это, Серега, не теория – это жизнь. Чем меньше ты в напряге сидишь – тем дальше после этого прыгнешь и тем быстрее в себя придешь.

– Ну, красиво говорить – ты у нас мастер. Еще разок? – он кивнул в сторону парной.

– Не, хорош. Ты иди, а я уже на холодок.

Серега скрылся в парной, а я начал неторопливо одеваться.

На улице уже было темно, только уличные фонари освещали наши домики. Тихо, даже собаки у соседей не гавкают. Отойдя от двери, я присел на скамейку у гаража. Надо Серегу дожидаться, посидим еще перед сном. А пока есть время...

Позвольте представиться – Александр Котов, 45 лет, майор запаса. Успел пройти многое и в армии наколбасился будь здоров, да и после тоже... хватило. Служил в ЦСН, мы там с серьезными злодеями боролись не на шутку, последние года два ребят молодых натаскивал, благо опыта хватало. Один Афган чего стоил, а тут еще и Чечня. Да и по выходу на пенсию успел тоже кое-где побывать, благо спрос на специалистов моего уровня всегда был. А благо-

даря нашим политикам – и дальше будет. Вот и пришлось пару раз съездить в некоторые наши «непризнанные» (надо ж такое словечко изобрести?) государства. Друзья-то там очень даже мною признанные и верные остались. Вот и надо было им помочь в меру своих разумений. Женат, пятеро детей.

На пенсии уже несколько лет, выслуги с войной набралось более 20 календарных лет, и, воспользовавшись этим, я ушел на пенсию. Неполную, да и хрен с ней. На полную тоже жить нельзя. А так, пока еще силы есть, да и голова на плечах тоже, вполне себе можно устроиться как-нибудь прилично. Всякое перепробовал, но вот подогнал же Макс халтуру... Хозяин нашего поселка – депутат Госдумы, в недалеком прошлом был каким-то министром в одной из наших союзных республик. Тогда и построил вот этот десяток домиков недалеко от Москвы. Кто уж в них раньше жил – бог весть, но уже года полтора стоят они пустыми. А Макс туризмом занимается, у хозяина домов он офис арендует. Вот и предложил ему сделать тут небольшой дом отдыха. Набрали узбеков, отремонтировали домики. В одном из них ресторан сделали небольшой, Серегина вотчина. Дали рекламу и понеслось... Я тут вроде как начальник службы безопасности, а заодно и единственный ее сотрудник. Кадры – тоже мое дело. Разборки с местными отморозками – тоже я. Хотя тут и отморозки-то какие-то квелые. Разок наехали на наших официанток, мы их в ближайшем городе набираем, заявили им – мол, доходами делиться надо. Девки – в слезы и ко мне. Их можно понять, зарплата у них и так не ахти какая здоровая, так еще и делиться ей с кем-то? Ну встретились, пообщались. Детский сад, ей-богу! Кина дурного насмотрелись и возомнили о себе невесть чего. На «разборку» (это они так нашу первую и последнюю встречу обозвали) явились кучей, с бейсбольными битами. (Вот удивляюсь я – в стране игроков в бейсбол – днем с фонарем не отыскать, а бейсбольная бита в любом спортивном магазине есть.) Ну вывалились они из своей «пятерки» аж вшестером и изобразили из себя героев боевика. Криминального, а, на мой взгляд, так скорее комедийного. Ну и пришлось им вдумчиво пояснить, что степень крутости оппонента на скорость полета пули влияет незначительно. А наличие в руках спортивного инвентаря в виде бейсбольных бит увеличению скорости бега от пули не способствует. Народ выразил сомнение в моих словах, пришлось продемонстрировать. После того как я левой рукой из обыкновенного ПМ снес зеркало на их «пятерке» (метров с 20), им явно поплохело. А уж когда я на «блатном» (это они так считают) жаргоне пояснил их дальнейшие перспективы бодания с депутатом Госдумы и его окружением, народ тихо слинял и более на горизонте не отсвечивал. Так потихоньку и тянется моя работа. Денег, правда, тоже далеко не до фига, зато работа – не бей лежачего. Узбеки, видя мои ежеутренние упражнения по мордобойу и растяжке, тихо хренеют и уважительно здороваются. Воровать – и то почти перестали. По мелочи все равно тащат, но это уж издержки производства.

Стоп, а это еще что? В одном из домиков как-то странно замигал свет в окне. Два часа ночи, они там что, не перебесились еще? Вроде только недавно всей гопой, гости, изрядно приняв на грудь, отправились спать. Пора бы им уже и набок... Стоп еще раз, это не электрический свет! Свеча? Да, уж больно она яркая для свечи... Пойдем-ка от греха подальше и посмотрим получше. Я свернул с тропинки и напрямик, через газон, направился к домику. По мере приближения свет в окошке разгорался все ярче. Да, мать твою – это ж действительно огонь! Пожар! Бараны безмозглые, что они там натворили?! Ходу!

Подбежав к домику, я только матерно выругался. На первом этаже действительно мелькали языки пламени.

– Серега! – гаркнул я со всей дури.

Вышедший из бани Сергей аж присел.

– Узбеков подымай! Да и своих (с Серегой в домике жил еще один повар и наш водитель) тоже сюда давай! Пулей!

«Так, побежал. Вот ему и повод – про кота вспомнить. Ладно, это все лирика, потом. Дверь... Заперто. Что у нас тут? Полено – по стеклу им и внутрь! М-мать! Дым, падла, так

понизу, понизу, к двери. Хорошо хоть замки у нас с ручками запираения, а так искал бы я тут ключи по всему дому. Открыли, но распахивать пока обождём, и так от окна приток воздуха неслабый. Что горит-то? И где? Сауна? Предбанник! Чему там гореть-то? Нет, чему понятно, облицовка дощатая, но вот отчего она загорелась? Да и хрен бы с ней, это на потом. Вон огнетушитель в углу, с него и начнем».

Ф-фух! Пламя выхлестнуло из двери и чуть не опалило мне морду. Опа! А неслабо оно уже разгорелось-то. Ну, мы его сейчас... Не любит, стерва, ох не любит... Однако огнетушителю кранты...

Топот ног! Серега? Узбеки прибежали.

– Ну-ка, огнетушитель мне сюда, скорее! И – наверх! Будить этих баранов и вниз. Кто не может идти – на руках или волоком, марш! Один пулей в пожарку звонить, телефон у ворот – 02!

«Побежали... А мы тут, с огнем. Однако хреновое дело, огнетушитель тут уже не катит, стена пошла, огонь уже куда-то вверх ввинтился. Второй огнетушитель пуст, третий – все... Пора уже и самому...»

– Сергеич! – Это мне. Серега прибежал с ребятами.

– Чего там? Всех вывели?

– Пацан наверху остался!

– М-м-ать! Что за пацан?

– Сын чей-то!

– Т-т-твою ж дивизию!

Бегом вверх по лестнице! Так, на втором этаже уже прихожая вовсю горит, огонь снизу прошел, как? Хрен его знает... Пацан! Где ты, черт немый?! Где? Тут нет, тут тоже пусто, в гостиную – нету. Куда ж тебя черти унесли? Спальня – пусто, вторая – тоже, где он? Плач! Назад, в прихожую... Шкаф? Он в шкафу, баран!

– Какого хрена?! Чего ты тут?!

Слезы в три ручья, говорит что-то. Со свечкой внизу читал и уснул? Блин, поджигатель ты наш малолетний! Урод недоделанный! Уши бы тебе, на фиг, вырвать! Ладно, это после. Лестница – тут уже облом, все горит, не пройдем. Балкон? Не пройти, огонь. Окна? Ну, разве что... Ладно, бегом!

– Народ! Где вы там?!

Топот ног, и толпа вылетела из-за угла.

– Брезент сюда!

– А где взять?

И действительно – где? У нас его отродясь и не было.

– Сетку!

– ???

– Баскетбольную, блин! Со столбов оторвать и сюда. И в темпе, а то нас тут уже жарят, на фиг!

«Так, бегут, несут, хорошо! Развернули. Давай, пацан, вперед! Боится, орет что-то, высоко? Да, идешь ты лесом!»

Сдавленно мяукнув, парень вылетел в окно. Сетка затрещала, но выдержала, и его быстро потащили в сторону. Набежавшие официантки на бегу вытирали ему закопченную чумазую морду.

«Опа, вот это подарок, сетка лопнула! Что ж, на землю просто так сигать, что ли? Тут метров шесть будет, а то и поболее, дом с этой стороны на откосе стоит, река внизу, неслабо усвистеть можно, если промахнусь или не удержусь на ногах. Боковое окно, оно на другую сторону выходит, там ниже. И чтоб мне туда сразу не убежать?»

Ладно, это потом. Холл, блин, уже весь горит, провозился я с этим поджигателем. Дверь, вот она. Перекосило? Что там с ней? Не открывается, подлюка! Черт, что делать? Назад!»

Сверху затрещали доски, и с потолка посыпался какой-то мусор. В два прыжка я преодолел горящий холл (от жара затрещали волосы) и, как кабан из тростников, вломился в комнату. Ну, вот оно, окно! Что-то затрещало уже внизу, и пол начал уходить из-под ног. Из дерьма, что ли, эти дома строили? Горят, как картонные! Оттолкнувшись изо всех сил, я прыгнул в окно. Черт с ним, с откосом, авось не укачусь, да и ребята внизу... БАМС! И в глазах наступила темнота...

Шлеп! Шлеп!

Кто-то весьма немилосердно приложил меня по щеке.

Шлеп!

Еще раз.

– Э! Хорош там! – Я попытался отпихнуть руку, вследствие чего мне заехали уже не по-детски и не по щеке.

– Очухался, падла! Хорош разлеживаться, вставай давай!

Я попытался это сделать, но ноги разъезжались, и встать никак не получалось. Тем более что все тело воспринималось мною как-то неправильно. Незнакомо. В голове звон, глаза никак не могли сфокусироваться ни на чем конкретном. Руки тряслись и скользили по земле.

«Грязь? Откуда, тут ведь у нас около домов щебенка и газон? Или я все-таки усвистел вниз, к реке? Как еще кости не переломал. Однако кто ж это тут такой грубый?»

Мои размышления были прерваны самым бесцеремонным образом – чей-то сапог (откуда?) от души заехал мне под ребро. Ух и ни хрена ж себе!

– Начальник! Не надо, видишь, не очухался еще человек. Мы уж сами его подыдем.

– Так, не ковыряйтесь тут! Ждать не будем, быстро давай. А то уж мы тут сами лечение проведем.

– Давай, давай, Михалыч. – Меня с двух сторон подхватили под руки и куда-то потащили. – Шевели грабками, пока вертухаи совсем не озлились.

– Я... Это... какой Михалыч? Чего вы там... ух! Больно же!

Яркие пятна перед глазами стали постепенно приобретать более-менее осмысленные очертания. Мокрое, залитое дождем поле. На горизонте лес. Слева, метрах в 30, железная дорога. На путях весело потрескивая, горят разнесенные в клочья несколько вагонов.

Странные какие-то вагоны, где только у нас такие еще сохранились? Какие-то люди вокруг, пожарные? Да нет, не похоже. Бушлаты черные, такие же штаны, шапки. Если это пожарные, то я – Дед Мороз. Что за хрень такая? Куда я попал, где дома, Серега где, узбеки мои оканные?

Да, похоже, что домами тут и не пахнет. У нас на дворе ноябрь был, не очень тут на ноябрь похоже, тепло. Явно не минус 12. Я покосился направо. Под руку меня поддерживал персонаж, словно сошедший с иллюстрации «Колымских рассказов» В. Шаламова. Слева обнаружился еще один, аналогичной наружности. Здравсьте, приехали! Это еще кто? Посмотрев на ноги, я обнаружил, что за время моей отключки неведомые «доброжелатели» «скоммуниздили» не только джинсы, но, заодно с ними, и ботинки, да, кстати, и куртку тоже... На мне был такой же черный бушлат, как и на большинстве окружающих. Такие же брюки и сапоги.

– Строиться!

Повернув гудящую голову, я обнаружил еще одного (одного? Да хрен тут, их человек 20, не меньше) участника событий. Гимнастерка (старого образца?), галифе, сапоги и фуражка с малиновым околышем. Картину завершал автомат ППД на правом плече. Товарищ был явно не в духе, и это хорошо было видно по его лицу. Вокруг тем временем началось движение, и чернобушлатники выстроились в подобие шеренги. Меня вместе с парочкой аналогично очумев-

ших товарищей оттащили на левый фланг шеренги. Автоматчики выстроились цепью напротив нас, несколько человек зашли с флангов.

Возле кричавшего появился еще один, с папкой в руках.

– Абрамов Михаил Ильич! 1919 года рождения. Статья 58-2. Семь лет!

Вот это здрасте! 58-я статья, это ж сколько лет-то? Ее ж отменили еще до моего рождения, что за хреновина творится? Где я и что это все значит? Плохо соображающая голова не спешила предоставить мне никаких ответов. Тем временем переключка продолжалась, и я успел составить себе некоторое представление об окружающих. Не все статьи я помнил, но, судя по воспоминаниям, тут собралась неплохая компания. Сроков менее пяти лет не было вообще ни у кого. 58-й статьи хватало, по ней «прописалась» примерно четверть присутствующих.

– Манзырев!

Молчание.

– Манзырев?!

– Да тут он, гражданин начальник, в себя еще не пришел, вон и на ногах еле стоит.

– Александр Михайлович. 1890 года рождения. Статья... – и тут последовал внушительный перечень, чуть не из десятка статей. – Срок – 10 лет.

Судя по перечню, за обладателем числилось немало. Убийства, разбой и даже побег. Остальных статей я не знал.

Я покосился на отвечающего. Коренастый мужик, метрах в двух от меня. Отбарабанив этот неслабый список, он подмигнул мне оплывшим глазом.

«Ктой-то его так приложил?» – подумалось мне.

Переключка продолжалась еще минут 15. Порядка 20 человек так и не откликнулись, из чего я сделал вывод, что им совсем не повезло.

Нас построили в колонну, автоматчики заняли места по бокам и сзади, и мы медленно потащились по дороге.

– Дядя Саша, – это ко мне подобрался давешний мужик с синяком под глазом. – Ты как?

– Хреново, – честно ответил я. – Башка болит, не помню ничего. Даже имя свое забыл.

– Ну, ты даешь! – восхитился он. – Как вообще жив-то остался, вагон-то ваш чуть не пополам разворотило. Пятерых вон вообще чуть не в куски порвало. Мы уж думали – копец тебе, тут, в воронке, и присыпят землицей. Ан, смотри, ожил!

– Ты, это... – прокашлялся я, – говорю ж тебе, память отшибло. Ты напой мне, что у нас тут вообще творится, глядишь, и я вспомню кой-чего.

– Неужто совсем ничего не соображаешь? – восхитился он. – Бывает же... Ну, слушай, коли так.

Рассказчик он оказался неплохой, но вот от его рассказов мне совсем поплохело. Угрозило же меня неведомым образом попасть в шкуру зэка. Да еще какого!

Манзырев Александр Михайлович, кличка «Дядя Саша», за свою жизнь накуролесил столько, что советская Фемида наградила его званием особо опасного рецидивиста. Начал он сидеть чуть ли не при царе и продолжил это дело (с небольшими перерывами) уже при Советской власти. Общее количество честно заработанных сроков существенно превышало количество прожитых лет. Сидел он, то есть теперь я, уже года три, и ничего хорошего впереди не светило. Особенно учитывая то, что на дворе стоял 1941 год и нас эвакуировали в глубь страны, подальше от фронта. Как раз в этот момент нас и накрыли бомбами немцы. Паровоз и несколько вагонов разнесло в щепки, часть заключенных погибла. А меня и еще нескольких прилично контузило близким разрывом. Насколько я помнил, особенно в этих случаях не церемонились, и, не подхвати меня соседи на руки, конвой без лишних слов добил бы меня, как неспособного к передвижению. Однако же почетное звание, присвоенное мне Фемидой, имело и обратную сторону. Бросить «заслуженного» зэка в данном случае было западло, вот соседи и стали приводить меня в чувство. Посильную помощь в этом оказал конвой, это им

я был обязан пинком под ребро и синяком на опухшей морде. Говорливый мужик, отзывавшийся на кличку Крест, сунулся было помочь и тоже схлопотал по рылу. Куда нас вели, никто не знал. Что будет впереди, где мы находимся сейчас – полная неизвестность.

За разговорами время шло достаточно быстро, и вскоре на горизонте показались какие-то строения. Минут через 30 нас всех загнали в широко раскрытые ворота какого-то пакгауза. Колонна медленно втянулась внутрь, и заскрипевшие ворота отрезали нас от окружающего мира.

Выбрав себе место у стены, я уже было собрался присесть.

– Дядя Саша. – Этого шкета я не знал. Да и, собственно говоря, никого я тут не знал, но этого так и видел в первый раз.

– Чего тебе? Кто ты, вообще, такой?

– Иголка я! Там *люди* тебя просят.

– Что за люди?

Шкет осекся:

– Так, это... Хромой, Барин, Красавец. Все *люди* собрались, тебя ждут.

– Ты все сказал? – Это нарисовался Крест. – Не видишь – в печали человек. Иди, родной. Мы будем.

– Куда это? – спросил я Креста, когда шкет растворился в полумраке пакгауза. – Что за люди такие?

Он пожевал губами.

– Все воры серьезные. Я их краем знаю, на пересылке в соседнем бараке были. Но так, чтоб близко, – не был, ничего не скажу.

– А ко мне какой интерес? Я их тоже вроде не помню.

– Ну, ты даешь, дядя Саша! Кто у нас по рывкам специалист?

– И кто?

– Ну не я же! – заржал Крест. – Это у тебя четыре побега за шесть лет. Такого бегунка, как ты, еще поискать.

– И от меня им что надо?

– Уходить надо, – Крест вдруг престал балагурить. – И скорее, а то, чую я, всем нам тут скоро амбец настанет.

– С чего бы это вдруг?

– А ты сам посмотри. Немец – вон он, рядышком. Пешком нам не уйти, а поезд... сам знаешь где. А у *этих* приказ – немцам нас не отдавать.

– Думаешь, пострелять могут?

– Да запросто! А то и просто сожгут. Ворота заперты, много нам тут надо? Бензином польют, и все.

– Да ладно тебе. Не слыхал я про такие зверства.

– И я не слыхал. Да и впредь слышать не хочу. А все же – кто их знает.

– Лады, пойдем, погуторим.

Шагая через лежащих на полу людей, я думал. 41-й год, начало войны. Ну, и что мы можем? Стукнуться к начальнику конвоя, мол, так и так, знаю я нечто крайне важное и серьезное. Для победы нужное, так что ведите меня к самому высокому начальству. И что же он мне скажет? Да ничего хорошего. Ну откуда у закоренелого зэка может быть какая-то важная информация? Никаких вещей из будущего у меня нет, доказательств моего вневременного происхождения – тоже. Историю войны помню в общих чертах, конкретных дат не знаю. Где и что произойдет, могу только в общих чертах рассказать. Мало... Чертеж «калаша» нарисовать – за милую душу, только надо, чтоб чертеж этот в ГРАУ попал, а как? Научить солдат чему-то новому? Да запросто, только вот, опять же, надо к этим солдатам еще попасть как-то. В штрафники пойти? Так рано еще, да и не возьмут. С таким-то букетом статей?

В дальнем углу пакгауза на полу тлеет неяркий костерок. Чуть в стороне ото всех, поближе к костру сидело человек пять.

– Поздорову, бродяги! – присел я у костра. Краем глаза я отметил, что Крест к костру не подошел, сел в стороне. Народ потеснился, давая мне место. Кто-то протянул горячую кружку. Чисто машинально я глотнул. И глаза мои полезли на лоб. В молодые годы я, случалось, чифирь пробовал. Но такой! Однако же бросать кружку нельзя, не поймут. Зажав ее в руках, я, переводя дух, глотнул еще разок, уже осторожнее. Передал кружку кому-то невидимому в темноте. Так, похоже, все правильно. Никто не дергается пока. Молчите? Ну, и я помолчу. Это ж вы меня звали, вот и начинайте.

– Что скажешь, дядя Саша? – Худой, как щепка, человек, справа от меня, протянул к огню ладони.

– О чем?

– Что делать дальше будем, не надумал?

Интересно, и что же такое я должен был надумать? По всему судя, разговор не первый. А может быть, я ошибаюсь?

– Ноги делать надо, – вспомнил я Креста и его подозрения. – И скорее, а то всем хана.

Народ у костра слегка ожил, похоже, я сказал то, о чем они все думали. Или догадывались.

– А как? Не прикинул еще?

А на самом деле – как? Ну, стену мы не ломаем, это и ежу ясно. Потолок... высоко, не достать. Ворота. Двое ворот. В одни мы входили, там охрана. Вторые – не знаю.

– Что там? – кивнул я в их сторону.

– Голяк, – ответили сзади. – В щели видно – пулемет и трое часовых.

– Глухо. Завтра что будет, пойдем куда? Или тут держать будут?

– Не знаем. Слух был – в тюрьму переведут.

– С чего бы это? То гнали, гнали (тут уж я рисковал. Кто знает, сколько на самом деле длился этап, может, только сегодня утром и начался), то вдруг вдругорядь в тюрьму. Она, чай, не резиновая будет.

– Щербатый у ворот слушал, говорит, часовые гуторили.

– Немец далеко отсюда?

– Когда от вагонов шли, вроде пушки слышно было.

– Значит, рядом. Значит, тюрьма мимо кассы.

– И что же теперь?

Хороший вопрос. Я и сам бы не прочь это знать. Подумаем. Эшелон под нас не дадут, невелики птицы. Окопы копать – это вряд ли, не было такой практики, тогда отчего бы ей сейчас появиться? Пешком погонят? Может быть, хотя скорость у нас... Неужто и впрямь – кончат? И что? Бежать с экаками? К немцам? Ну, это еще бабушка надвое сказала. Мне бы только из-за колючки уйти, а там...

– Значит, так. С едой у нас что?

– Плохо у нас с едой.

– Насколько плохо?

– Совсем.

– Оружие?

– Ножи, штук пять.

– Негусто.

– Что есть.

– Тогда так. В город поведут – идем. Тихо идем и смотрим. Город знает кто?

– Да. Есть отсюда человек, судили тут.

– Смотрим, куда поведут. Если к вокзалу, идем не бузим. Если к тюрьме – тоже. А если за город... тут уж деваться некуда. Как крикну – все рывком в стороны.

Еще минут десять-пятнадцать мы посидели у костра, прикидывая все возможные варианты развития обстановки. Их и так было немного, а уж после того, как я высказался, стало еще меньше. На прежнее место я уже не вернулся, для меня постелили на досках какие-то тряпки, и я уснул.

Всю ночь мне снилась какая-то хрень. Я опять прыгал из окна, лаялся с узбеками и любезничал с официантками, которые угощали меня чифирем. Заснул крепко я уже под утро.

Разбудил меня гомон голосов. Ворота были открыты, и конвой выводил из них группу заключенных. Я поискал глазами хоть одну знакомую рожу, но таковых поблизости не оказалось. Отросшая щетина недвусмысленно намекала на утренний туалет. Ну да, а еще бы баньку. Да и кофе в придачу не помешал бы...

Снова заскрипели ворота, и ранее ушедшие вернулись. Они тащили с собой пару мешков и несколько баков. Еда! Ну хоть какой-то просвет в жизни наметился... Около вошедших зеэков сразу образовалась толпа, вспыхнула перебранка. Ну, посмотрим, сколь авторитетны мои вчерашние собеседники. Сумеют они хоть тут все упорядочить? Собеседники мои оказались на высоте. Гомон стих, и минут через пять выбежавший из толпы зэк поставил передо мной миску с какой-то бурдой и положил несколько кусков хлеба. Ложка обнаружилась за голенищем сапога. Так, уже кое-что. Перекусив, я оставил миску на месте и двинулся поближе к воротам. Они были приоткрыты, и я рассмотрел на улице редкую цепь охранников. Ну, и где у них тут что? Пулемет вскоре обнаружился. И не один. Двое пулеметчиков с «ДП» сидели на крыше небольшого домика, метрах в 30 от ворот. Да, тут без мазы. До них не добраться. Тот, кто ставил охрану, был в своем деле человек знающий. Надо полагать, и с противоположной стороны сделано не хуже. Конвойные выкликнули еще несколько человек, построили их в колонну и увели. Потом еще и еще.

– Дядя Саша! – Один из вчерашних собеседников нарисовался как-то совершенно незаметно.

– Ну, чего там?

– Не пойму я. Народ куда-то ведут, никто ничего не говорит.

– И много уже увели?

– Да, человек сорок.

– Ну, нас тут впятеро осталось, а то и поболее. Подождем пока, посмотрим.

В ожидании прошло часа три. Конвой привел назад часть ранее уведенных зэков, и нас стали строить в колонну уже всех. Ага! Значит, этап будут выводить. Так оно и вышло, и вскоре мы медленно потопали на выход. При формировании колонны мои собеседники оказались недалеко от меня. Их сопровождало еще несколько типов, при взгляде на которых рука начала машинально искать «ПМ». Колоритные морды, наколки на пальцах – впечатляло. Хотя я и сам, надо полагать, выгляжу не хуже. Во всяком случае, перстни на пальцах у меня вытатуированы весьма впечатляющие. Пройдя пару километров по улицам города, мы свернули куда-то по направлению к окраинам.

– Куда идем? – не обращаясь ни к кому конкретно, процедил я сквозь зубы.

– Миха говорит – к заводу. – Это кто-то незнакомый.

– Что еще за завод?

– Кирпичный.

– От города далеко?

– Говорит, что совсем на окраине.

– И за каким рожном нас туда ведут?

– Миха говорит, там «командировка» была, работали на нем раньше.

Колонна медленно втянулась между высокими кучами песка. Что-то не нравилось это мне. Нет, поведение конвоя не изменилось, такое впечатление, что их было даже меньше, чем вчера. Но какая-то заноза не давала мне покоя. Что-то не так, что? Я еще раз огляделся по

сторонам. Точно, их стало меньше, почему? Пакгауз-то охранять уже не надо, зачем там охрану оставлять? Или там сделали временную пересылку? Они идут с карабинами, автоматчиков всего трое: один впереди, один справа и один сзади. Что за черт?

– Что-то тут не так, – повернулся я к соседу справа. – Где конвой? Почему их так мало?

– Так нам же и лучше, дядя Саша, легче сомнем.

– Ты, милоч, их совсем за дураков-то не считай!

– Так...

Выстрелы! Справа! Чей-то крик: «Давай, ребята!» И колонна взорвалась, народ бросился врассыпную. Куда, бараны недоделанные, кто кричал?! Увлекаемый толпой, я вместе со всеми побежал налево, в проход между кучами песка. Обернувшись, я видел, как автоматчики длинными очередями отсекают эков, пытавшихся побежать вперед или назад. Где-то сбоку бухали карабины. Загон! Это загон! Они нас гонят именно между песчаными кучами! Надо делать ноги, сейчас тут будет жарко. Но как? Через верх песчаной кучи – снимут, там я – мишень. Назад, под автоматы? Еще лучше. Лечь тут – тоже не вариант. Передо мной кучка эков добивала охранника, он пытался отмахиваться карабином, упал, и толпа навалилась на него. Вперед, скорее! Веером над головой прошла автоматная очередь, и добивавшие охранника эки зайцами бросились врассыпную, два или три упали. Черт, трудно бежать, клиент достался мне совсем не спортивного сложения. Вот, наконец, и выход... Все! В последний момент я успел нырнуть головой вперед в ложбинку между кучами песка, и выпущенная в упор с расстояния менее 30 метров пулеметная очередь прошла над моей головой.

– Товарищ капитан! Заключение Манзырев по вашему приказу доставлен!

– Идите.

– Есть! – и конвоир хлопнул дверью.

– Садитесь, – кивнул на стул мне хозяин кабинета. – Слушаю вас.

Я тяжело присел на стул, нога еще побаливала, и посмотрел на него. Капитан стоял у окна и курил, выпуская дым в форточку. Я впервые увидел его так близко. Во время всех наших предыдущих встреч у меня как-то не хватало времени его рассмотреть. Тогда, на заводе, после того как, орудуя прикладами, конвой согнал остатки колонны в кучку, он к нам не подходил. Стоял, так же вот курил и вполголоса что-то говорил стоящему рядом с ним лейтенанту. Да, и после этого, когда меня привели на заседание «тройки», как-то вот не было ни времени, ни желания его рассматривать. Заседание... 10 минут времени, простая формальность. Сержант-секретарь зачитал показания, и я узнал о себе немало интересного. К моим многочисленным грехам добавились агитация в пользу немцев, подготовка массового побега и, как необходимый атрибут, контрреволюционная троцкистско-террористическая деятельность. Теперь и я попал под 58-ю статью. Закономерный итог – высшая мера социальной защиты. По-русски – стенка. По возвращении в камеру я постучал в дверь и попросился на допрос. Терять было уже нечего, сидел я в одиночке, и опасаться недоуменных вопросов (а то и недвусмысленных действий) со стороны сокамерников уже не приходилось. Вообще, с момента так хорошо подготовленной ловушки на заводе (а в этом я не сомневался ни на минуту, прямо как по нотам все было разыграно) я успел перекинуться едва ли парой слов с уцелевшими (за что и получил прикладом по ноге), после чего уже неделю сижу в одиночке. Кормят, на прогулку не водят, допрос был всего два раза. Не знаю, как следователю, а мне так с самого начала было ясно, что вся история с мнимым побегом – подстава со стороны конвоя. Среди эков у них наверняка были свои люди, да и сам маршрут был спланирован с умыслом. Стрелял, естественно, конвой, кричали, скорее всего, тоже они. «ДП» стояли на заранее подготовленных позициях. Одного взгляда было достаточно, чтобы все это понять. Стрелки залегли на верхушках песчаных куч и там нас и поджидали. Следовательно, однако, добросовестно валял ваньку, задавая никому не нужные вопросы. Все мои попытки сказать что-либо не по теме жестко пресекались им с помо-

щью кулаков конвоя. Мое мнение его не интересовало абсолютно, и в конце концов я, махнув рукой, подписал всю его писанину. Из нее явствовало, что я совместно с другими заключенными (следовал перечень ничего не говорящих мне фамилий) организовал устойчивую группу заключенных. Нашей целью являлась организация нападения на конвой, после чего мы планировали перейти на сторону немцев. Итогом всего этого и явилось заседание «тройки». Я не сомневался, что капитан и был истинным режиссером всей этой кровавой постановки.

– И так? – прервал молчание капитан. – Вы хотели сообщить мне нечто важное?

– Да, гражданин капитан, хотел.

– Ну так говорите. Время у вас пока есть.

И я начал говорить. Возможно, моя речь выглядела не слишком аргументированной, где-то я перескакивал с одного на другое, но в целом старался держаться обдуманной мною еще в камере линии повествования. Капитан не перебивал, молчал, изредка делая пометки на бумаге. Потом перестал, снова закурил и до самого конца моего монолога бумагу более не трогал.

– Это все?

– Нет, гражданин капитан, я еще много чего сказать могу. Только нужно специалистов привлечь, мне некоторые вещи трудно будет вам пояснить.

– Не сомневаюсь в ваших талантах рассказчика. Что-то, а говорить вы умеете. В вашем деле это хорошо описано. Читать это я и раньше читал, а вот так слышу впервые. Интересно и убедительно это у вас выходит. Я даже и сам сначала поверил было. Вас подводит незнание конкретных деталей и общей оперативной обстановки.

– Так я же и объясняю вам, что...

– Не трудитесь. Я все понял. На вашем месте я и сам постарался бы быть максимально убедительным. Другого-то выхода у вас нет. И в иное время я бы, возможно, и направил вас для вдумчивого допроса специалистами, но...

– Так направьте! Вам же это еще и зачтется!

– Поздно, Александр Михайлович. Поздно. Железная дорога немцами перерезана, а самолет для вас никто не даст. Отправлять же с вами специальную группу у меня нет ни возможности, ни желания. Да и другие обстоятельства этому мешают, увы.

– Так вы что же, считаете, что я все вру?

– Возможно, что и не все. Какие-то вещи вы могли слышать, что-то сами домыслили, а что-то и откровенно придумали. Все работавшие с вами ранее оперативники отмечают ваш незаурядный талант и способности. Аналитических способностей за вами ранее не замечалось, так и необходимости у вас к этому не было. А тут ситуация для вас критическая, вот и открылись некоторые, ранее не нужные, грани вашего таланта. Интересно, не сталкивался я раньше с такими людьми, тут все больше откровенно прямолинейные типы попадают.

Как-то он странно выражается. Несвойственно это для обычного опера. Хотя кто его знает, много я ТОГДАШНИХ оперов видел? Учителя у нас были из СТАРЫХ еще волкодавов, так у них и уклон был больше в другую сторону. Боевики, не опера. И про таких зубров (а это, точно, не заяц!) они нам не рассказывали.

– Вам бы ко мне раньше подойти, Александр Михайлович. Может, и сработались бы мы с вами, очень даже возможно, да...

– Но, гражданин капитан, я ж вам говорил, что...

– Не считайте меня глухим! Склерозом я тоже не страдаю еще. Идите. Я подумаю над вашим рассказом.

Конвоир вывел меня из кабинета, и мы отправились обратным путем – в камеру. Шагая по коридору, я еще и еще раз прокручивал в памяти нашу с капитаном беседу. Где я допустил ляп? Ведь до какого-то момента он меня слушал внимательно, а потом? Что же я сказал? Или чего я НЕ сказал?

Прошел еще день. Канонада, ранее звучавшая фоновым шумом, усилилась. Стекла в окнах стали дребезжать. Судя по поведению охраны, они это тоже слышали, и это их не радовало. Еще день... Звуки боя слышались уже совсем недалеко, а от капитана не было никаких вестей. Я снова попросился на допрос, охранник молча выслушал меня и ничего не ответил. Уже смеркалось, когда в коридоре затопали шаги нескольких человек. Ну наконец-то, а я уж думал, забыли про меня совсем. Лязгнул засов.

– Манзырев?

– Александр Михайлович! 1890 года рождения. Статья...

– На выход! Вещей не брать!

А какие у меня вещи, кроме ложки и шапки? Ложка за голенищем, шапка на голове. По узкой лестнице мы спустились во внутренний двор. Там, в углу двора, я увидел несколько знакомых лиц. Крест, надо же! Я думал, его еще на заводе убили, не видел я его в толпе уцелевших. А, вон еще одна знакомая рожа, еще один... так здесь, выходит, всех уцелевших собрали, зачем? Неужто этап, куда? Раньше не могли, что ли, тут уже чуть ли не уличные бои идут, еще по дороге завалят, и все.

– Так, заключенные, внимание! В одну шеренгу становись!

Мы все вытянулись неровной шеренгой вдоль стены. Напротив нас стояла такая же редкая цепь охраны, почему-то с наганами в руках.

Будут стрелять? Но капитан же говорил мне... Ну, вот уж хрен! Просто так я не сдохну! Рыкнув что-то нечленораздельное, я рванулся вперед, одновременно смещаясь слегка вбок, сбивая прицел...

– Огонь!

Нестройно грохнул залп – мимо! То-то же! Знай на...

Удар, толчок, и я полетел куда-то в темноту...

– Дядя Саша, да не кисни ты так! А то, на тебя глядя, и у меня на душе кошки скребут! – Это опять Крест. Сидит, балабол, на подоконнике и смотрит в окно. – Вон, глянь, опять медсестры куда-то пошли. Точно тебе говорю, вон та, черненькая, на меня смотрит. Ух и доберусь я до нее!

– Доберусь, доберусь... Ты сам-то сначала отсюда выберись, а уж потом по медсестрам шнырай.

– Нет, ну как ты, дядя Саша, можешь одним словом всю малину опоганить! Ну тебя к лешему, еще накаркаешь! – Крест неуклюже спрыгнул с подоконника и заковылял к двери. Ему досталось – пуля прострелила ему ляжку навывлет, вот он и ходит боком. Видимо, мой отчаянный рывок внес свои коррективы – охрана стреляла второпях и, наверное, поэтому мазала. Мне тоже «повезло» – одна пуля задела мне бок и еще одна скользнула по черепу. Повезло, только кожу содрала. Но по башке приложило изрядно, я пришел в себя уже тут, в госпитале. Уже у немцев. Словоохотливый Крест поведал, что немцы ворвались в тюрьму через полчаса после расстрела и, кроме нас двоих, подобрали еще и Барина. Ему досталось тяжелее, и, по слухам, его увезли куда-то на операцию. А мы лежим в отдельной палате, с часовым у двери. Смотрят за нами, в принципе, неплохо, медсестры местные – из города, а вот врач немец – Готлиб Карлович. Тоже, кстати, местный, но у немцев в авторитете. Врач, кстати, вполне серьезный, дело свое знает отменно, и порядок у него тут истинно немецкий. Первое время нас даже из палаты не выпускали – только в туалет, благо он в трех шагах от двери. Потом режим смягчился, разрешили выходить во двор, правда, под зорким оком часового. Так что, когда Кресту охота покурить, мне приходится тащиться с ним во двор. Там он тут же начинает распускать хвост и клеиться к медсестрам, но пока безрезультатно.

По утрам, в 11 часов, к нам приходит лейтенант Майер из комендатуры и в течение двух часов внимательно выслушивает наши ответы на его каверзные вопросы. Вот тут уже отдува-

ется Крест. Рана на голове для меня в данной ситуации оказалась божьим даром, кошу под потерю памяти. Хотя особенного интереса для немцев я не представляю. Из захваченных документов они уже выяснили, что я в течение последних трех лет из зоны не вылазил. Да и до этого был на свободе нечастым гостем. Так что ценность моя в оперативном плане близка к нулю. Другое дело – Крест. Этот угодил в зону за полгода перед войной, а до этого куролесил по крупным городам. Так что ему есть что рассказать. Майер внимательно выслушивает его болтовню и что-то записывает. Лицо у него абсолютно непроницаемое, и понять, что же он думает на самом деле, невозможно. Поэтому представить себе наше будущее ни я, ни Крест пока не можем. Прикидываем разное, но пока никаких очевидных перспектив не видим. Память мне услужливо подсказывает, что такими кадрами немцы не разбрасывались, особенно в начале войны. Ну ладно, Крест еще им подойдет, а вот меня куда? В разведшколу – возраст уже не тот, да и здоровье... Я уж молчу про внешность и особые приметы. Только тут я рассмотрел тело своего персонажа и внутренне присвистнул. Помимо звезд на плечах, на теле была расписана вся его «тяжкая» жизнь. И чего там только не было... Да, одной татуировки «СЛОН» в советском тылу за глаза хватит, чтобы меня первый же мент начал трясти как грушу. А уж прочий иконостас... Майер даже привел фотографа, чтобы тот запечатлел всю эту «красоту». Так что этот вариант отпадает, а жаль! Тут уж я мог покуролесить на все сто! Добраться бы только до своих, а там... А там меня ждет перспектива нерадостная. Ориентировки на меня давным-давно имеются в любом горотделе, и вдумчивый опер достаточно быстро установит, что за птица к ним залетела. Памятуя мой разговор с капитаном, я не питал иллюзий относительно своей способности объяснять необъяснимое. Особенно сотрудникам НКВД. Да и последний приговор, который мне успели вынести, тоже не давал повода для веселья. Наверняка все бумаги по этому поводу успели уйти в тыл и соответствующим образом где-то учтены. Вот поймают меня территориальные органы НКВД и на вполне законных основаниях поставят к стенке. И ничего я им не докажу. Вот приговор, вот клиент – пожалуйста бриться! Даже и допрашивать не будут, им и так все уже будет ясно.

Сегодня вместе с Майером появился еще какой-то деятель. В отличие от Майера, всегда затянутого в военную форму, пришедший был одет в неплохой костюм. И, по местным меркам, был, видимо, достаточно крут, так как даже невозмутимый Готлиб Карлович как-то слегка стушевался и быстро исчез из палаты.

– Здравствуйте, господа. – Деятель присел на стул, где обычно располагался Майер. Тот сегодня занял позицию у двери, где часовой заранее поставил еще один стул.

– Как ваше здоровье, господин Манзырев?

– Получше уже, могу вставать и ходить, хотя голова еще болит временами. Повязки сняли, и рана в боку уже не так беспокоит.

– А ваше, господин Козырев? – Это он уже к Кресту.

– Да... Нога еще болит, но сидеть тут уже без дела надоело. И так почти полтора месяца здесь кантуемся.

– Что, простите? – деятель приподнял бровь.

– Ну, сидим тут, прямо как на следствии.

– Это вы правы, – кивнул головой пришедший. – Следствие действительно имело место быть.

– Так... Что ж расследовать, мы ж тут все в бессознанке были, когда ваши войска пришли?

– Видите ли, – деятель обращался уже к нам обоим, – обстоятельства вашего попадания в госпиталь действительно были весьма драматическими. Не скрою, это сыграло свою роль в том, что вы попали именно сюда, а не в лагерь для подозрительных лиц. Да, мы проводили проверку. И могу вам сообщить, что мы ее окончили.

И что? Что он вдруг молчит? Чего такого им удалось накопать? А что-то накопили, это очевидно. Где же я прокололся? А в том, что прокололся именно я, сомнений не было никаких. Крест тараторил как по писаному и, в отличие от меня, тему знал досконально. Сейчас он начнет меня колоть, и тут уж не отбрешешься большой головой и потерей памяти. Этот деятель – не чета Майеру, видно хватку оперативника. Вон и сел так, что глаза у него в тени, а нам солнышко из окна прямо по рылу лупит. И какие мы имеем на руках козыри? Татуировки и мое уголовное дело? Так это они уже все изучить успели. И что у нас еще есть? Похоже, что ничего, кроме вилки под матрацем. Я ее чисто инстинктивно приватизировал еще неделю назад. Как чуял... Странно, вот и Крест напрягся, он что, тоже где-то накосячил?

– У нас еще осталось несколько вопросов к вам, господа. Это нужно для того, чтобы понять – что нам с вами делать дальше? Своих уголовников у нас хватает и без вас, и факт того, что вы сидели в тюрьме, еще не делает из вас борцов с Советской властью как таковой. Как это говорится? Враг моего врага – мой друг? Так будет ли моим другом человек, обворовавший моего врага? С таким же успехом он может обворовать и меня. Что вы скажете на это, господа?

– Гражданин начальник! – Это Крест. – Я...

– Можете называть меня господин Райнхельт. Я представляю здесь Гехаймстаатсполицайамт. Вам знакомо название этой организации?

Гестапо. Час от часу не легче. Им-то что от нас нужно?

– Да, – сказал я. – Слышал кое-что. Это покруче нашей уголовки будет.

– И существенно, – кивнул головой Райнхельт. – Надеюсь, вы понимаете, что наша организация пустяками не занимается?

– Понимаю.

– Тогда – вопрос: кому пришла в голову идея побега?

А в самом деле – кому? Кто задавал основные вопросы по теме? Хромой, так... То, что творилось снаружи, отслеживал Красавец – он к воротам ходил. Кто-то из них? Нет. Когда Хромой спрашивал, он вбок косился. Так, а кто у нас там сидел? Не, Красавец этот от меня справа был, Хромой напротив, и смотрел он... Барин! Точно, он! Они все с ним после переговоров, причем по очереди. Крест – он может знать. Нет, не может, его к костру не подпустили, вернее, сам не подошел, правильно – не по масти он. Но все же, все же... Ну, хоть глазом подмигни, недоумок! Нет, смотрит, куда он смотрит? Интересно... Тут же второй этаж, а он еще прихрамывает. Или это он комедию для меня и немцев разыгрывает? Зачем? Ему-то чего бояться? Значит, есть что-то за душой, есть.

– Ну? – Это Райнхельт. – Мой вопрос слишком сложен для вас?

Майер расстегнул кобуру. Незаметно для нас (ну, это он так думает). Про окно забыл? А там как в зеркале все отражается. Значит, вопрос серьезный, и Майер это знает. Нельзя лохануться, нельзя! Еще раз: что я знаю про Барина? Да ни хрена я не знаю, кроме того, что он жив остался. Ранен тяжело (насколько?), и его увезли на операцию. А почему тут не оставили? Врачей нет? Ерунда, Карлович – хирург от бога. Значит, еще что-то есть, чего мы не знаем, почему? Так, кто еще мог? Да кто угодно мог. Ладно, еще раз. Хромой, Красавец убиты (Хромого я точно сам видел, а Красавец рядом с ним был, будем считать, и ему кирдык), и толку от них чуть. Взять авторство на себя? Не покатит, Крест помнит наш разговор. Не сдержится, выдаст себя, и тогда нам обоим кранты. Барин, Барин... Стали лечить, значит, нужен он им. Не факт, нас тоже лечат. Ладно, примем это за аксиому – он им нужен.

– Барин. Побег – его мысль. Потом, конечно, мы все думали, как и что.

– Так. – Райнхельт кивнул. – Вы говорите, что идея побега принадлежала Барину?

– Да.

– Но конкретной разработкой занимались вы?

– Я.

– И как же так вышло, что побег не удался? Ведь у вас большой опыт в делах подобного рода?

– Не знаю. Думаю, что кто-то настучал.

– Да, здесь вы правы. Донос действительно был, и мы его нашли в бумагах НКВД.

– И кто же это там был, такой языкастый?

– Зачем это вам?

– Даст бог, встретимся, побазарим. Только вот не завидую я ему после такого базара.

– Вы его знали, как Иголку.

– Б...! – не выдержал Крест. – Поймаю – на клочки порву!

– Да? – прищурился Райнхельт. – Ну, как говорится, бог вам в помощь. Только вот, чтобы поймать, надо сначала поймать (правильно я говорю?) такую возможность. А для этого надо как минимум оказаться на свободе в полном здравии.

Опять за рыбу гроши! Так это еще не все его сюрпризы? Похоже, что так.

– Теперь вопрос к вам, господин Козырев. Где ВЫ были во время попытки побега?

Опа! Крест еле заметно дернулся. Со стороны это было незаметно, но, просидев с ним в одной палате полтора месяца, я уже научился замечать малейшие нюансы его поведения. Есть попадание, что-то он занервничал.

– Да со всеми вместе и был.

– Разве? А вот Барин утверждает, что вас в колонне не было.

Так, значит, Барин уже чего-то утверждает. Значит – может говорить, и немцы его допросили уже. А был ли Крест в колонне? Я его не видел, но это не значит, что его там не было. До этого он все время около меня вертелся, а тут – пропал? Почему? Шестерки близко не подпустили? Вариант... могли, в принципе. Что я получу, если подтверждаю версию Барина? Ничего, только вызову подозрение к себе. Крест вроде как мой приближенный, во всяком случае, на разговор я пришел с ним. А Барин? Ему я чем смогу навредить? Помочь я ему уже помог, вот как Майер расслабился, теперь можно и Кресту. Пусть помнит, кому свободой обязан.

– А меня что, тоже в колонне не было?

– Ну, в отношении вас, господин Манзырев, никаких сомнений нет. Ваше участие во всех событиях доказано и задокументировано.

– Ну так вот – я Барина не видел. Хромой – тот рядом был, убили его около меня. Красавец вроде тоже, еще кое-кто (Черт! Сейчас он спросит – кто?), а вот Барина я не видел. А Крест со мною рядом идти и не мог, не по чину ему. В стороне он был.

– Был?

– Да, был.

– Вы в ЭТОМ уверены?

Эх, попала нога в колесо – пищи, а беги!

– Уверен.

– Хорошо. Еще вопрос, господин Козырев. По заключению врача в вас стреляли сверху вниз, сзади. А стрелки НКВД находились перед вами. Как вы можете это пояснить?

Крест аж взмок, на лбу появились мелкие капельки пота. Надо помогать...

– Позади от нас, справа, была вышка, – я почесал затылок. – По-моему, оттуда тоже стреляли.

Райнхельт открыл папку, которую он держал в руках, и принялся листать бумаги.

– Да, на плане вышка отмечена. А что вы скажете, господин Козырев?

– Да не помню я. Могли и сзади стрелять, и спереди тоже. Я сейчас и не припомню всего. Как он, – кивнул Крест на меня, – бросился, так такая каша заварилась!

– Ну что ж, благодарю вас, господа. У МОЕЙ организации больше к вам вопросов не имеется. Все дальнейшие вопросы, связанные с вашим трудоустройством, будет решать ведомство лейтенанта Майера. До свидания.

– До свидания, господин Райнхельт! – чуть не хором ответили мы оба, стремясь вложить в свои слова максимум уважения. Не столько к нему самому, сколько к его конторе. Не оборачиваясь, он кивнул головой и вышел.

Майер пододвинул стул и сел поближе к нам. Кобура у него была уже застегнута (когда только успел?).

– Итак, господа, займемся вами.

Он раскрыл папку.

– Господин Козырев, в отношении вас у нас есть определенные намерения, но об этом – чуть позже. А пока – как вы смотрите на работу в полиции?

– Да с превеликим нашим удовольствием, господин лейтенант! Порядок обеспечим, не сумлевайтесь!

– Хорошо, с этим все ясно. А вы, господин Манзырев?

Так, в довершение ко всему – теперь еще и полиция. К нашим после этого – ни ногой. Кончат враз, даже и не мяукну. А если по своим стрелять придется? А ведь придется...

Я поднял руки и продемонстрировал Майеру свои татуированные перстни.

– Хороший из меня полицейский выйдет? С таким-то иконостасом?

– Да! – Похоже, что Майер смутился. – Это действительно меняет дело. Но что же тогда с вами делать? Других возможностей мы не рассматривали.

– Машину водить могу. В Соловках на продскладе работал, учетчиком, там и научился (авось не проверят. Да и не станут уже, после гестаповской проверки-то).

– Продсклад? Это интересно. Попробуем найти вам работу у бургомистра или в отделе снабжения продовольствием.

Майер захлопнул папку и встал:

– До свидания, господа. Выздоровливайте. Ефрейтор Гершвин подготовит для вас соответствующие документы, одежду и решит вопрос с проживанием.

«Радиограмма.

Получен сигнал 6»

Начальнику.... отдела капитану тов. Маркову А.Т.

Сегодня в 03.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В.В.

Начальнику..... отдела..... Подполковнику тов. Шергину В.А.

Получено сообщение от «Рыжего».

Проверку прошел, легализовался, к работе приступил.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

Начальнику... отдела абвера полковнику фон Мееру.

Проведенная проверка подтвердила достоверность сведений, сообщенных «Лесником». Прошу Вашего разрешения для привлечения его к работе отдела.

Заместитель начальника ... отдела полковник фон Хорн.

Вот уже две недели я числюсь сотрудником управления продовольственного снабжения тыла. От щедрот немцев мне перепала небольшая квартира недалеко от центра города. Мебель и все прочее в квартире осталось, видимо, от прежних хозяев. Так что тратить деньги на обстановку не пришлось. Благо в качестве подъемных мне выдали месячный оклад. Негусто, но на жизнь вполне достаточно.

Вместе со мной эту ниву старательно вспахивают три дамы дореволюционного склада и двое сотрудников мужского пола – Геннадий Михайлович и Виктор Францевич. Назвать их

мужчинами как-то язык не поворачивается. Нет, они далеко не голубые, но, глядя на прилизанные волосы и вкрадчивые манеры общения, мне все время кажется, что есть у них что-то общее с посетителями гей-клубов современности. Мое появление внесло сумятицу в уже сформировавшийся мирок. Некоторые специфические обороты моей речи в сочетании с внешностью приводят наших барышень в предобморочное состояние. Поэтому, когда начальство предложило мне взять на себя работу с населением, я был только рад. Сидеть в конторе давно остобрыдло.

Кстати, о начальстве. Им у нас является пожилой немец – лейтенант Беренмайер. В общем, довольно безобидный дядька лет 50. Целыми днями он занимается своими бумагами или пишет длинные письма домой. Сентиментален и очень любит своих дочек, их у него трое. Показывал фотографии – действительно симпатичные девчонки. Совершенно не воспринимаю его как врага.

Надо, однако, отдать ему должное – Беренмайер далеко не так прост, каким кажется с первого взгляда. Вспоминая свой первый к нему визит, я до сих пор не устаю удивляться его умению актера.

А выглядело это так.

В самый первый день, получив от Майера направление, я решил, что все вопросы моего дальнейшего существования (по крайней мере, на этом этапе) решены. И бодро потопал по указанному адресу.

О своей будущей работе я имел самое отдаленное представление. Мне она казалась чем-то средним между работой завхоза и экспедитора. И о том, и о другом я имел только самые общие представления. Поразмыслив, я пришел к выводу, что за образец надо брать Серегину работу в ресторане. Продукты покупать мы ездили вместе, и некоторый опыт в этом у меня был.

С этой мыслью я и толкнул дверь.

По коридору пробежал какой-то хилый мужчинка в клетчатом костюме.

– Эй, любезный!

– Вы это мне? – удивленно изогнул бровь клетчатый.

– Ну, вроде бы тут никого больше и нет?

Мужчинка осмотрелся по сторонам, словно рассчитывал найти в этом узком коридоре еще кого-нибудь, на кого можно было бы спихнуть неожиданного визитера. Не найдя такового, он вернулся взглядом ко мне.

– Что вам угодно?

– Угодно видеть здешнего начальника – лейтенанта Беренмайера.

– Вы записаны на прием?

– Нет.

– Тогда вам нужно будет сначала подать заявку. Это можно сделать по вторникам и четвергам. После ее рассмотрения вам сообщат дату приема и время, на которое он назначен. Обычно приемы происходят в понедельник и в пятницу.

– И откуда я узнаю это время?

– Вон там, впереди, вторая дверь справа. Обратитесь к Наталье Германовне. Заявку можете подать ей.

– И как долго мне этот ответ ждать?

– Не знаю. Это зависит от занятости господина Беренмайера.

Интересный фокус! А жить где я буду все это время? И жрать тоже чего-то надо.

– Вот что, любезный...

– Ко мне обращайтесь, как положено! – вспыхнул клетчатый. – Господин Крайнов!

– Ну, во-первых, я этого не знал. Во-вторых, вы же мне не представились...

– Потрудитесь не указывать МНЕ, как я должен себя вести! Я на службе, между прочим, а это – серьезное НЕМЕЦКОЕ учреждение!

– Но вы сам, как я вижу, не немец?

– А вот это – не ВАШЕ дело! И вообще – кто вы такой и что вам тут надо?

– Я уже несколько минут пытаюсь вам это объяснить.

– Вы отрываете меня от важных дел!

Ну, ладно, клоп! Достал ты меня вконец. Посмотрим сейчас – какие у тебя нервы.

– Я к вам из комендатуры, от лейтенанта Майера. По указанию господина Райнхельта, он направил меня сюда. Для повышения эффективности работы вашего учреждения.

– Фамилия лейтенанта Майера мне знакома, – кивнул головой Крайнов. – А кто такой господин Райнхельт? Интересы какого ведомства он представляет?

– Господин Райнхельт работает в гехаймстаатсполицай.

– ?

– В гестапо.

Из Крайнова словно вытащили стержень, он как-то весь обмяк.

– Э-э-э...

– Вот предписание.

Через минуту я был в кабинете Беренмайера. Доставив меня в кабинет к нему, Крайнов прямо-таки растаял в воздухе.

– Здравствуйте, господин лейтенант!

– Присаживайтесь, господин, – Беренмайер заглянул в предписание, – Манзыров.

– С вашего позволения, господин лейтенант – Манзырев.

– Возможно. Я не очень хорошо произношу русские имена.

Я присел на стул.

– Слушаю вас, господин Манзырев.

Вот те, бабушка, и Юрьев день!

Так это Я должен ему что-то объяснять?

Знать бы – что именно?

Видимо, мои чувства в этот момент ясно отобразились на лице, и Беренмайер это увидел.

– Как немецкий офицер, я, безусловно, уважаю мнение ведомства господина Райнхельта.

Однако, смею заметить, что интересы ЕГО ведомства и МОЕГО учреждения лежат несколько в разных плоскостях. Так что я не вижу, чем именно могу быть полезным его ведомству.

– Меня направили к вам на работу.

– Как сотрудника ведомства господина Райнхельта?

Интересный вопрос. И что отвечать? События выглядят в глазах лейтенанта сотрудником гестапо был, что и говорить, велик. Но, но, но... не будем зарываться.

– Нет. Как ВАШЕГО сотрудника.

– Вот как? Но я, простите, не вижу, в какой сфере мы могли бы использовать ВАШИ способности. Насколько я осведомлен, такие *художества*, – он кивнул на мои наколки, – в Советской России не давались просто так?

– Да. Это так.

– Человек, рискнувший нарисовать такие вот *уколки*, не имея на это права, звался... ерш?

– Ерш.

– Так. И какова была бы его судьба?

– Могила, скорее всего.

– Значит, вы, господин Манзырев, – не ерш?

– Нет.

– То есть вы имели проблемы с законом?

- С советским законом.
- Пусть так! Но – вы не *политик*?
- Не политический.
- Неважно. Вы не борец с режим, вы – уголовник. Так?
- Так.
- Но вор в Россия и вор в Германии, все равно – вор. Зачем вы МНЕ?
- Я полагаю, господин Райнхельт тоже это рассматривал, прежде чем написать данную бумагу.
- Я не вижу тут его подписи. Есть подпись лейтенанта Майера, это – не гестапо.
- Он исполнил приказ.
- Гут. Хорошо. Он исполнял свой приказ, я исполняю свой. Мой приказ – данное учреждение работать как часы. Ферштейн?
- Точно так, господин лейтенант.
- Господин Райнхельт – начальник в своей организации, лейтенант Майер – в своей. Здесь – начальник я.
- Понятно, господин лейтенант.
- Гут. Интересы рейха требуют, чтобы солдат был одет, сыт и здоров. Мы даем солдату еду – это важно! Здесь наше ведомство так же важно, как ведомства господина Райнхельта и господина Майера. Ферштейн?
- Так.
- Если я требовать от всех – делай так, а не иначе – это интерес рейха!
- Точно так.
- Каждый начальник на своем месте – представитель интересов рейха. Мой приказ – для вас все равно что приказ фюрера. Каждый немецкий начальник на своем месте требует соответствующего уважения. Фюрер – в Берлине, я – здесь!
- Понял.
- Вы имели большой ранг там – среди вор. Значит, с людьми говорить можете. И можете их убеждать, что он должен делать хорошо. И что делать он не должен. Так?
- Да. Я умею говорить с людьми.
- И убеждать.
- И это тоже.
- Интересы рейха могут требовать некоторых отхождений от принятых правил, вы должны уметь это объяснить людям. Они будут думать так. Он был вор – он работает на Германию. Не воровать, а работать! Германия умеет внушать почтение к своим законам!
- Точно так, господин лейтенант.
- Гут. Вы будете работать здесь. Вы будете ездить по деревням и убеждать старост – работать надо правильно. Не воровать! Помните, здесь я – Райнхельт, здесь МОЕ слово – закон и порядок! А я всегда смогу убедить господина Райнхельта и лейтенанта Майера, что прав был я, а вы ошибаетесь. Я работаю тут не первый год и в своем деле специалист не хуже их!
- Понятно.
- Я понимаю, что вы оказали определенные услуги ведомству господина Райнхельта. Мы это ценим. Ваши услуги на данном месте работы тоже будут оценены соответствующим образом. Мы умеем ценить преданных работников. Но мы также умеем карать нерадивых сотрудников. Это – ясно?
- Да, господин лейтенант. Мне все ясно.
- Можете быть свободны сегодня. Зайдите в секретариат – вам дадут направление на квартиру и деньги на первое время, я распоряжусь. Господин Крайнов скажет вам, какие еще обязанности, кроме основных, надо исполнять.

Впервые вижу, как свои корыстные интересы обставляются интересами государства. Век живи – век учись! Надо же – запрячь вора выбивать продовольствие из старост! Да еще и тонко намекнуть на необходимость взяткобрана.

Втянувшись в работу, я с удивлением обнаружил у себя талант взяточника. Причем делать для этого мне ничего не пришлось. Просто в какой-то момент я отметил, что мои манеры докапываться до мелочей при заключении контрактов оппонентами воспринимаются совершенно однозначно – как намек на взятку. И, хотя все документы у нас подписывает лично Беренмайер (надо полагать, что большую часть взятки он кладет себе в карман), на нашу долю тоже перепадает. И неслабо. Берут у нас все.

Для поездок по деревням и селам Беренмайер выделил мне автомашину. Старая советская полуторка, надо полагать трофейная, с мрачным, неразговорчивым водителем. Зовут его Хасан, он откуда-то из Татарии. Как попал сюда – неизвестно, на эту тему он не распространяется. Любитель поспать, когда бы я ни пришел к машине, он всегда дремлет. Как он при этом ухитряется содержать ее в порядке – не знаю. Но машина всегда на ходу. Ко мне он относится с уважением и опаской. Когда он впервые узрел мой «иконостас», в его глазах промелькнуло нечто, похожее на страх. Но я себя с ним веду ровно, и вскоре он опять пришел в свое привычное, полусонное состояние.

Видел Креста. Этот пройдоха недолго топтал землю рядовым полицаем. Кому и что он умудрился сунуть, не знаю, но теперь он занимается выдачей каких-то справок. И, надо полагать, мало уступает мне на взяткобрательском фронте. По случаю встречи мы с ним нажрались до отупения. Так что утром я с трудом сообразил, где нахожусь. Оказалось, что на квартире у какой-то подруги Креста. Какой гадостью он меня напоил? Остается надеяться, что я не бухнул ничего спяну. Помню, что Высоцкого я им петь пытался, но вот спел или нет? «Ванинский порт» точно пел. Но это вроде как совсем в тему. Странно, пить я старался немного, что ж меня развезло-то так?

Во время своих поездок по деревням я продолжал искать какие-либо контакты с подпольем. Но увы... Преуспеть мне в этом плане не удалось. По понятным причинам говорить об этом напрямую со своими деревенскими контрагентами я не мог. Да и хорош бы я был в их глазах! В основном я контактировал со старостами и близкими к ним сельчанами. Понятно, что и среди них наверняка были люди, связанные с подпольем. Только вот как их найти? Видя мое непоказное рвение на работе, любой здравомыслящий человек уже давно сделал бы для себя все положенные выводы.

Время шло. Дни неторопливо ползли один за другим, а я продолжал свои безуспешные поиски. В принципе, ничто не мешало мне выйти вечером на улицу (благо, ночной пропуск у меня был) и задавить по-тихому парочку фрицев. И чего бы я этим добился? Не так давно немцы уже расстреляли десяток заложников, когда какой-то парень пальнул из винтовки в ефрейтора. Даже добить не сумел толком. Но это ничего не изменило. Заложников все равно расстреляли.

В пятницу вечером, чуть позднее обычного, я возвращался домой. Сегодня у нас был «пьяный день» – кто-то из подрядчиков привез несколько бутылей самогона, и вся мужская часть нашего «коллектива» (Геннадий + Виктор и я) его дегустировали. Удовольствия эта процедура мне не доставила, но отказываться тоже было не с руки. Вот и завис на лишних полтора часа. Так что домой шел уже затемно. Фонари не горели, до комендантского часа уже оставалось не так много времени, так что я торопился. Обычно я иду домой не торопясь, выбирая места посветлее и почище. А тут решил срезать и пошел напрямик. Уже подходя к дому, я вдруг притормозил. Что-то было не так... Фонари в городе вообще редкость, но мне в этом случае повезло. Напротив моего дома был какой-то склад или что-то в этом роде. И у него на стене висел фонарь. Иногда по вечерам там что-то грузили или разгружали, и свет горел всегда. Но сегодня фонарь потух. В принципе, в этом не было бы ничего особенного, если бы

не одна неприятная черта. К подъезду дома я подходил через подворотню, и фонарь ее хорошо освещал. Сейчас там было темно, и почему-то мне это не нравилось. Весь мой прежний боевой и прочий опыт резко встал на дыбы. Как-то вовремя погас этот фонарь...

А если так? Сделав крюк, я обошел свой дом по дуге. Небольшой забор задержал меня на пару минут, и я осторожно подкрался к подворотне, но уже с другой стороны. Как это было у Стругацких? Бесшумных засад не бывает. В точку! В подворотне кто-то был. И был не один. Я слышал, как они переминаются с ноги на ногу. «Холодно! – злорадно подумал я. – Небось в ботиночках клиент. Вот ножки и того, замерзли». Судя по звуку, клиентов было не менее двух человек. «А если кто-то из них одет потеплее? Тогда трое. Или больше?» Кто были эти странные визитеры? Скоро комендантский час, жители по улицам ходить не будут. Полиция? Так зачем им прятаться? Немцы? Ну это вообще бредятина, что они тут потеряли? Дверь в мой подъезд из подворотни не просматривалась, и это натолкнуло меня на некоторые мысли. Попробуем так...

Несколько минут потребовалось мне, чтобы тихо отвязать веревку, на которой моя соседка днем сушила белье. Привязав ее за дверную ручку, я осторожно вернулся на свой наблюдательный пост.

«Начали!» И я дернул за веревку. Моя входная дверь громко хлопнула.

– Черт! Он что, стороной прошел?

– Как? По воздуху, что ли?

– А через забор! (Ты смотри, угадал!)

– Может, вышел кто?

– Так где же он? Куда пошел? (Точно, шагов ведь не слышно!)

– Иди под дверь послушай, если он пришел домой – сегодня ждать бесполезно, он ночью не ходит. (Интересно, значит, за мной следили?)

Послышались шаги, и из подворотни появился первый клиент. БУМС! – это подобранное мною полено встретилось с его головой. Несильно, но основательно. Минут пять он точно не боец. Топот ног, и из подворотни вылетело еще двое.

«И чегой-то у нас в руках? Пистолет? Не помешает, сюда давай... А грубить и драться нехорошо, на тебе ответного! Раз! Один готов... Второй? Где ты, родной? Вот он, и тоже с пистолетом. Наган? Тоже не помешает, давай».

Я оглядел «поле боя». Трое успокоенных налетчиков разлеглись в живописных позах. Причем первый уже шевелился и пытался встать. Я осмотрел его. Кроме ножа, у него ничего не было. «Эх, расстроится соседка утром! – думал я, разрезая похищенную веревку на куски. – Надо будет ей как-то это компенсировать». Через пару минут вся троица была надежно упакована, и я пинками погнал их к себе в квартиру. А куда ж еще мне было их девать?

Затолкав и затащив злодеев в квартиру, я рассадил их на полу, лицами к входной двери, а сам уселся сбоку от нее так, чтобы видеть всех троих. Пока они окончательно приходили в себя, я достал из тумбочки бутылку самогонки и щедрой рукой плеснул себе граммов 300. Прихлебывая обжигающую жидкость, я оглядел всю троицу. «Ну, вот этот будет у нас «Длинным», этот – соответственно – «Худым». А тот, с синяком на рыле, – «Сизым». Очухались уже вроде бы, пора и поговорить...»

– Ну?

– Что – ну? – Это Длинный.

«Невежливый какой! Ну-ну, не я первый начал...» Примерившись, я аккуратно заехал сапогом ему под ребро. Тот охнул и выматерился. За что и получил еще разок.

– Уяснил? Я тебя по матери не посылал!

– Да ты чего, дядя! – Это уже Худой включился. – Налетел, трендюлей наставил, а теперь еще и нукаешь!

– Ага. Вы, значит, себе мирно курили, а тут я – такой весь из себя злодей, вас отметел жестоко. А вы все белые и пушистые. А на кой тогда вам, белым и пушистым, такие вот игрушки? – и я покрутил на пальце наган.

– Так время-то какое?

– Какое?

– Так война ж...

– А ты – солдат? Какой армии?

– Не солдаты мы, – разлепил губы Длинный. – Мы больше по своим делам.

– И что ж это за дела такие, что надо с пушкой меня в подворотне караулить? Ты когда дальше врать будешь, имей в виду – разговор я ваш слышал.

– Так *деловые* мы. Погугорить пришли.

– Ты, милоч, когда врать будешь – подпрыгивай. Для *разговора* со мной два ствола не надобно. Я вот весь открытый и на виду, а ты – кто? Обзовись – тогда, может, и поговорим.

Троица переглянулась, видимо, на этот случай у них домашних заготовок не было.

– Молчим?

– ...

– И правильно, потому как никого из местных *деловых* ты не знаешь и соврать так, чтобы я поверил, не можешь. (Я их, правда, и сам не знал, но, похоже, угодил в точку – Длинный молчал.)

– Ты еще мне советской властью прикинься, пострадай меня смертью неминуемой...

Опа, а вот это я попал! Ребятишки беспокойно заерзали. Так, ну на подпольщиков они похожи, как баран на весло. Почему? Да, *сытые* они. Город под немцем уже, почитай, месяца два, а по их мордам и не скажешь, что на паек живут. Значит – что? Значит, жрут они сытно, а кто у нас сейчас жрет? Да, и пахнет от них СИГАРЕТАМИ, а не простым табаком, – где берут? Так, ну-ка подпустим мы им шпилечку...

– Ну а если ты и советская власть – на фиг вы тут меня караулили?

– Сказали же тебе, поговорить надо было, – вступил в разговор Сизый. – Неясно, что ли, разъяснять надо?

Так, и этот тоже грубиян. Мало тебе синяка на рыле? Ну, получи и ты... Сизый зашипел, но, помня полученный Длинным урок, от матерной ругани воздержался. А ведь интересно, откуда у него в голосе командные нотки? Это сейчас, когда ТАК говорить очень немногие себе позволить могут. А ведь он не врет и не рисуется, он ТАК говорить привык. Немец? Вряд ли... Да и зачем я им нужен? Подполье? Проходили уже... Тогда – кто?

– К советской власти – почет и уважение! – Ободрились? – Зря ребятушки, это вы рано... За приговор мой последний, незаслуженный, да еще за всякие «радости» я, конечно, всей советской власти не отомщу. Но вот отдельным ее представителям – очень даже могу.

Погрустнело ребятишкам, даже очень. Да и что тут мудрить? Послать вербовщиков к моему персонажу – это совсем умом тронуться надо. Грохнуть? Это возможно. Но почему – я? Немцы и не хрюкнут над моей могилой. Крест – вот это ближе к цели, его можно. И даже нужно – он враг явный и очевидный.

– Я вот сейчас что сделаю? Сам об вас рук марасть не буду. Не по масти это мне. А вот на улицу вас вытащу да посередке и разложу. Тут скоро патруль полицейский пойдет (кстати, о патруле – где он?), он тут все время ошивается. Склад стережет (я, кстати, сегодня его не видел, а раньше, бывало, и здоровались), вот и будет ему подарочек. Они – власть, вот пускай у них голова и болит, кто вы такие. Тем более уже полчаса как комендантский час наступил, а пропусков у вас нету.

А они не боятся! Даже и расслабились. Значит – что? Не будет патруля? Или пропуска есть? Нет пропусков, я проверял. Патруль их знает? Откуда? А почему свет не горит?

– Да не знаем мы местных никого, – снова вступил в разговор Длинный. – И пропусков у нас нет, это ты верно сказал. Сами тут недавно. Из Минска я, а они вот из Гродно. Из *деловых* один я, они так – потом пристали.

– Кого в Минске знаешь? (И как я его проверю, если соврет?)

– Васек – «Заячья губа», Колян – «Лекарь».

– Не слышал про таких (есть – нет, как проверить?), сидел я, в зону вести не очень идут быстро (а теперь уже ты меня не проверишь!).

– Ну, звиняй, дядя, больше ничего тебе сказать не могу, я из Минска никуда и не вылезал больше, других не назову.

– А ко мне зачем пришли?

– Наколку дали, мол, при деньгах фраер, на еде сидит.

– Кто дал?

– Карась один, мы его прижали тихо-тихо, а он пустой. Обделался и тебя слил – мол, говорит, я сам пустой, а этот взятки гребет лопатой.

Положим, не лопатой, но гребу. Как и все в нашей конторе. Похоже? Может быть...

– Ты это видел? – протянул я к нему руки. – Похож я на фраера?

– И как я все это ночью рассмотрю? Мы тебя днем только издали пасли. Издаля что увидишь?

– Что, и ночью тут были?

– Два раза. Позавчера и третьего дня. Фонарь мешал, мы его сегодня и кокнули.

– А патруль где?

– Я ему лекарь? Ушли куда-то.

– Как же вы после дела уходить хотели, без пропусков-то? У немцев на этот счет строго!

– Как-нибудь дворами бы ушли. Раньше вон ходили – и ничего. Они не весь город пасут, только центр да и склады на станции.

Так, похоже, ничего из них я не выну. На этом они упрутся и будут талдычить одно и то же. Ничья. Кончать их? А если они тут с подстраховкой? Врассадку допросить – куда двоих девать? Одного – в другую комнату, третьего на кухню? Поздно, раньше надо было это делать.

Показалось мне или на лестнице скрипнули ступени? Четвертый? Один? Так заодно уж и пятый, и шестой тогда. Их страхуют – кто они?

– Значит, так, граждане вы мои непонятные...

Щелчок! На лестнице кто-то есть!

– И что мне с вами делать прикажете? Удавить вас или ментам сдать, как коммунык недобитых?

– Отпустил бы ты нас? – Это Худой. – Вон шишек и так уже насажал, чего с нас тебе еще надобно? Денег – так нету, ушло уже все, жрать-то надо?

– Курево есть?

– Вон в кармане кисет, больше нет ничего.

Кисет оказался набит табаком. Обыкновенный самосад. А где же сигареты ваши, мыши съели?

– Все?

– Ну, ты даешь! Вагона с куревом, уж извиняй – нету!

Подстава! Чья? Кто там – за дверью?

– Лады. Вставляйте и гуляйте отседова. Руки сами развяжете, чай, зубы есть. Патруль – не моя забота, да и ушел он, как вы сами говорили.

– А стволы вернешь?

– Может, тебе еще и денег на дорогу отсыпать? Совсем оборзел? Спасибо скажи, что своими ногами идешь, а то я ведь и передумать могу.

– Все-все! Заметано – уходим.

Троица нападавших гуськом потянулась к двери. Показалось мне или по лестнице кто-то быстро спустился вниз? Закрыв за ними дверь, я кинулся к окну. Чуть приподняв голову на подоконником, я смотрел в сторону подворотни. Вот внизу скрипнула ступенька (тихо дверь открыли, молодцы!). Один силуэт крадучись пересек двор. Второй, третий... все? Нет, не все...

Утром я был невнимательным и озадаченным, так что Беренмайер даже сделал мне замечание. Извинившись, я сослался на недомогание, чем дал ему повод еще минут десять говорить на тему излишних возлияний (и откуда он все знает? Не иначе, стучит кто-то) и их вреда для работы. Наконец, он смиростивился и, озадачив нас всех неотложными делами, ушел в свой кабинет – писать очередное письмо. Погрузившись в полуторку, я сказал Хасану: «В полицию». Тот спокойно кивнул головой, в полицию мы ездили часто, оформляли бумаги и заказывали сопровождение для обозов с продовольствием.

На входе в здание никаких проблем не возникло, меня там уже неплохо знали. Подойдя к дежурному, я попросил отыскать Креста. Через пару минут меня проводили к нему в кабинет.

– Ну, здорово!

– О, дядя Саша! – Крест встал из-за стола. – Какими судьбами к нам?

– Да есть тут одно дело... – Я присел на стул. – Ты тут не шибко занятой?

– О чем базар? Для тебя – так всегда свободен.

Я осмотрелся. Кабинет у Креста был небольшой. Стол, два стула и шкаф около окна. Сам Крест выглядел невыспавшимся, помятым каким-то. Надо же! Опять он с фингалом.

– Ктой-то это тебя так?

– Да с бабой своей спьяну поцапался, – поморщился он. – Вот и...

– Это еще хорошо, что ей не утюг под руку подвернулся, – язвительно заметил я. – А то б загремел ты опять к Карловичу, как пить дать.

– Да уж... С них станется, могут и утюгом...

– Да ладно, хрен с ней, с бабою твоею. Тут, видишь ли, вопрос какой...

Я рассказал Кресту о ночной встрече, опустив, правда, некоторые подробности и свои наблюдения. Выложил ему на стол оба ствола.

Крест озадаченно почесал в затылке. Происшедшее его как-то напрягло, он задумался и минут пять сидел молча, вертел в руках карандаш.

– Да, дядя Саша, задал ты мне задачу...

– Какая тебе-то задача? Я их наладил отсель, больше уж не придут.

– Так чего ж тебе от меня тогда надо?

Я пощелкал пальцем по стволу нагана.

– Вот такая штукенция мне нужна. Официально!

– Так ить... Это ж не моя компетенция, дядь Саш!

– Слова-то какие мудреные ты научился выговаривать! Твоя – моя... Короче – нужен правильный ствол.

– Да зачем тебе-то? Ты ж «законник», тебе ствол и в руки-то впадлу брать?

– А ну как эти бараны тут не одни? Да и коммунаки недобитые тоже ведь где-то есть, а? И надо мной, и над тобой «вышка» висит, забыл?

– Сложно это все...

– Так я и к Беренмайеру напрямую пойти могу. Расскажу ему все, он и звякнет твоему бугру. Только вот я же по-тихому хотел. А опосля Беренмайера шум пойдет. Немец наш – аккуратист, бумаги любит, вот и пойдет писать губерния. Оно ТЕБЕ надо?

– Ладно, – Крест встал из-за стола. – Пойдем.

Он сгреб оба ствола и рассовал их по карманам.

Начальником полиции был у нас в городе мрачноватый мужик кулацкого склада. Мы с ним встречались как-то раз в комендатуре. Тогда он произвел на меня какое-то нехорошее

впечатление. Веяло от него чем-то опасным и нехорошим. Вот и сейчас он оглядел нас обоих тяжелым взглядом и нехотя кивнул мне на стул:

– Присаживайтесь.

– Что за дела? – Это уже к Кресту.

Тот кратко изложил суть дела, упомянув о моей просьбе.

– Где оружие? – спросил начальник.

– Вот. – Крест положил стволы ему на стол.

– Все?

– Все.

– Дела... – Начальник посмотрел на меня тяжелым взглядом: – Как это вам так удалось?

– Что удалось?

– Их же трое было и с оружием.

– И чо? Впервой, что ли? Баклан – он и со стволом баклан.

– Так зачем вам, в таком случае, оружие? Вы ж их голыми руками слепить можете?

Да, твою ж мать! Родной совок! Прямо как дома! Ну, точно – наш инспектор разрешил ловки. Может, и его сюда как-то зашвырнуло? Видимо, на моем лице явственно отразился ход моих мыслей, и начальник это усек.

– Ладно, в порядке исключения...

Короче, через два часа я вышел из полиции с наганом в кармане и с разрешением на его ношение. Крест сгонял дежурного в комендатуру, и там эту бумагу подписали у кого-то из немцев. Его несколько удивил мой выбор, он предлагал мне «Вальтер ППК», но я отказался, мотивировав свой отказ незнанием данного ствола.

Да, наган не самое современное оружие, зато не оставляет гильз, и еще у него есть некоторые плюсы, о которых я Кресту не сообщал. Чтобы не травмировать его психику...

«Радиограмма.

Получен сигнал 3.

Начальнику.... отдела капитану тов. Маркову А.Т.

Сегодня в 02.30 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В.В.

Начальнику..... отдела..... подполковнику тов. Шергину В.А.

Получено сообщение от «Рыжего».

В отношении меня проведена повторная проверка.

До выяснения обстановки прошу на связь со мной не выходить.

Об изменении обстановки сообщу.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

Начальнику... отдела абвера полковнику фон Мееру.

В отношении лиц, указанных «Лесником», проведены контрольные оперативные мероприятия. Сведения подтвердились. Прошу Вашей санкции на переход к следующей фазе операции.

Заместитель начальника... отдела полковник фон Хорн.

Время шло.

Я мотался по области, обзаводился связями и делал понемногу небольшие запасы всяких полезных вещей. В бывшей МТС слесаря выточили мне некоторые потребные для ремонта полуторки запчасти. Правда, узнай Хасан, что на нее можно привинтить самодельный ПБС

(прибор бесшумной стрельбы – в просторечии называемый глушаком), он был бы немало удивлен и озадачен. Заботясь о его душевном здоровье, я не стал посвящать его в такие тонкости.

В пятницу мы были в Михайловке. Большая деревня километрах в тридцати от города. Тамошний староста отличался прямо-таки безудержной страстью к мухлежу. Он постоянно что-то у кого-то выменивал и перепродавал. Немцы – и те имели с ним какой-то сложный и многоплановый бизнес. Слава богу, возраст у него был уже преклонный, и шансов стать лет через пятьдесят олигархом у него уже не было. Он уже не раз делал мне тонкие намеки, и только мои опасения погореть с ним на пару, удерживали меня от того, чтобы сообщить об этих выгодных предложениях Крайнову. В нашей конторе он был главным доверенным лицом Беренмайера. Меня он со дня нашей первой встречи недолюбливал, но, памятуя, от кого я пришел, не ссорился.

И в этот раз, закончив все официальные дела, староста предложил мне передохнуть.

– Все равно уже ночь скоро, куда ехать-то на ночь глядя? А тут и компания достойная будет и перекусить найдем.

В чем-то он, пожалуй, и прав. Да и контакт с ним получше установить не помешает. Знает он много, с ним и немцы откровенничают.

– Лады, Пал Кузьмич. Кто в гости будет?

– Начальник полиции нашей, Виктор Федорович, заместители его, моих пару-тройку ближних. Да и все. Неужто хорошие люди не найдут о чем поговорить, да и как отдохнуть?

– И то правда. А то я тут за делами и от общества отвык. Как бирюк в норе, право слово!

– Ну, Александр Михалыч, вы уж и скажете – бирюк! В самом соку мужчина!

– Не нахваливай меня, чай, не девка. Когда народ-то будет?

– Через часок все и подъедут.

– Так я пока у тебя в той комнатухе прилягу, не возражаешь?

– О чем разговор, Лексан Михалыч, о чем разговор! Там и кровать есть, и все, что надо. Проспал я, пожалуй что, и побольше часа. Разбудили меня голоса, доносившиеся из горницы.

В комнате уже был накрыт стол, и за ним сидело человек восемь гостей.

– Александр Михалыч! – вскочил староста. – А я уж будить тебя наладился!

– Спасибо, однако ж я и сам встал.

– Так и садись, как раз уж все и подошли. – Староста подвинул мне стул и щедро плеснул самогонки.

– Ну, честной компании здоровья и удачи! – и я махом опрокинул стакан.

– Эк! – начальник полиции аж крякнул. – Здоров ты, Михалыч!

– Не жалуюсь, – и я стал выбирать на столе закуску.

Стол был накрыт, по местным меркам, суперкрутой. Окорок, квашеная капуста, мясо, в общем, пожрать можно было от души.

Застолье потихоньку-полегоньку разгоралось. Ко мне подсел начальник полиции:

– Лексан Михалыч, по душам поговорим?

– Ну, отчего ж два умных человека, Виктор Федорович, по душам поговорить-то не могут? Давай, говори, что накипело-то?

– Да есть у меня вопросик один...

– Отчего ж один-то?

– Остатние я и сам решить могу, а тут помощь твоя потребуется. Я вот в сомнениях ходил, ну как к тебе подойдешь? Ты ж у нас человек непростой, вон, говорят, и с гестапо дружишь?

– Было дело, чуток пособил я им.

– Загвоздочка тут у меня имеется.

– Ну так?

– У нас тут последнее время не все хорошо идет. Мерзавцы какие-то по лесу рыщут, да и в деревнях завелась какая-то сволота...

– Так а я ж тут при чем? Это – не мой огород. Тут ты, Федорыч, главный пахарь.

– Да вот приехал к нам тут *сверху* инспектор...

– Немец?

– Не папуас же!

– Ну и?

– Меня тут на *должность* пророчат, смекаешь?

– Наверх?

– Туда.

– Так в чем вопрос?

– Все эти мелочи мне картину портят. Вывести их в одночасье, откровенно тебе скажу, не могу. А немец об этом напишет. И все! И амбец месту ожидаемому. Выход, однако, есть.

– Ты не тяни, по делу говори! – Я щедрой рукой плеснул собеседнику самогонки. Себе тоже, но существенно меньше.

– *Подход* к немцу я нашел. Денег он, падла, не берет. Но вот от продуктов – не отказался. Семья, видишь ли, у него!

– И много ему надо?

– Вагон.

– Нехило! Аппетит у него, скажу я тебе, отменный! Только где ж я ему столько упру?

– Не надо переть. – Начальник полиции покосился на старосту. – Тут уже все решено.

– А в чем затык?

– Вывезти все это надо. Тут моей власти не хватит. Железная дорога мне не подчиняется.

– Мне тоже.

– А Беренмайер это сделать может?

Может ли это сделать Беренмайер? То, что собирает наша контора, частично вывозят в рейх. Это так, я сам сопровождал машины на станцию, где их при мне разгружали прямо в вагоны. Бумаги на груз подписывал сам Беренмайер.

– Может.

– *Подойдешь?*

– Мой в чем интерес?

– В *дале* будешь. Мы ж тут не святым духом кормимся, смекаешь?

– Лады. Готовь свой вагон. Когда надо?

– Дня три. Потом мы его на станцию подадим, тут уж твой выход будет.

– В понедельник я иду к Беренмайеру. Он тоже *захочет*. Но он деньгами берет, в курсе?

– Знаю, умные люди просветили уже. Скажешь сколько. К тебе в понедельник вон тот оглоед в город подкатит, ему и скажи. Он же и денег привезет. Не подведешь?

Я расстегнул рубашку и продемонстрировал ему свой иконостас.

– Как думаешь, если бы я *слово* не держал, заслужил бы такой?

– Силен ты, Михалыч, – одобрительно покачал головой начальник полиции. – Говорили мне, да не верилось как-то...

Во время дружеского застолья с полицейскими я разжился у них некоторым количеством патронов к нагану. Ну кто ж виноват, что нас всех спяну потянуло стрелять по бутылкам? Хорошо хоть не стали рыбу глушить. Была и такая идея, но после того, как я утопил в реке гранату, от этой идеи отказались. (Долго же я потом за ней нырял...)

Подполье словно нырнуло в тину. Никакие мои поиски ни к чему хорошему не привели.

Нет, кто-то где-то постреливал и расклеивал листовки, но все это происходило где-то в отрыве от меня.

С Крестом почти не видимся, только на бегу иногда удается перекинуться парой слов. Он опять холостякует, его баба куда-то исчезла. Вот он и зовет меня на вечерние посиделки. Его повысили, теперь он какой-то маленький начальник – имеет в подчинении аж четырех человек. Я пообещал заглянуть и отпраздновать сие событие.

Выбрав момент, я подошел к Крайнову и вкратце передал ему просьбу начальника полиции. Впервые Крайнов посмотрел на меня с уважением.

– Я сообщу господину Беренмайеру о вашем предложении.

– Это не мое предложение. Это...

– ЗДЕСЬ его озвучили вы. Значит, это – ВАШЕ предложение. Подождите.

Через пару часов Крайнов заглянул ко мне в комнату и показал глазами на коридор.

Я вышел. Крайнов ждал меня у двери.

– Господин лейтенант сказал – две тысячи марок. Не оккупационных.

– Две?

– ДВЕ. Не считайте меня дураком, воровать у ТАКИХ людей.

– Я этого и не говорил. Но задаром у нас ведь никто не работает, не так ли?

– Так. Просто имейте в виду, что есть и ДРУГИЕ способы заработка. И у каждого они свои. У вас вот – отыскался один. У меня – другой. Господин Беренмайер *не мешает* нам работать. Это подразумевает и ответную любезность с нашей стороны.

– И каковы размеры... э-э-э... любезности?

– Половина.

– В смысле?

– Из ста заработанных марок вы *можете* предложить господину Беренмайеру пятьдесят.

– Могу или должен?

– Это уж вы будете решать самостоятельно. Но не забывайте, что все мы – местные жители.

– Я не местный.

– В данном случае это неважно. Мы – русские, а он – немец. И является нашим начальником. Я настоятельно не рекомендую вам хитрить с господином начальником.

– Учту. И каким же образом я могу выразить свою благодарность начальнику?

– Но вы же носите ему документы на подпись?

– Как и все мы.

– Вот и ответ.

– Спасибо. Я, признаться, не сразу уловил все тонкости ЗДЕШНЕЙ работы.

– А вы и сейчас еще не все знаете. Да и не нужно это вам.

Через пару часов ко мне в дверь заглянул давешний «оглоед». Я кивнул и показал рукою во двор. Захватив папку с бумагами, я вышел через пару минут.

– Беренмайер сказал – две тысячи рейхсмарок.

– Ни хрена себе у него аппетит!

– Ну я же предупреждал...

– Хорошо, я передам.

Против моего ожидания, названная сумма была воспринята спокойно. Надо же, оказывается, и у немцев коррупция даже и тогда была весьма развитой. Навряд ли Беренмайер был досадным исключением из общего правила. Через день «оглоед» привез мне толстый пакет.

– Здесь все. Виктор Федорович просил узнать – когда?

– Обожди тут. Мне к Беренмайеру через полчаса идти, я все и выясню.

Зайдя в туалет, я накинул крючок и развернул пакет. Точно – две тысячи рейхсмарок. Ну что ж, будем учиться давать взятки. Брать у меня уже получалось, а вот давал я впервые.

Положив деньги в папку, я отправился к Беренмайеру.

– Разрешите войти, господин лейтенант?

– Входите. Что у вас сегодня?

– Документы *на подпись*, – и я положил папку ему на стол.

Беренмайер невозмутимо открыл папку и просмотрел ее содержимое.

– Оставьте, я после посмотрю. Сейчас же направляйтесь на станцию и отыщите там гауптмана Крюгера. Он отвечает за формирование составов. Скажите ему, чтобы подготовил нам место в ближайшем эшелоне, уходящем в тыл. Сообщите ему конечную станцию доставки груза.

– Он не будет удивлен моим вопросом?

– ВАШИМ – будет. Вы скажете ему, что это – МОЕ поручение. Вам все ясно?

– Точно так, господин Беренмайер.

– Можете быть свободны.

Ни хрена ж себе пельмень! Вот тебе и скромный лейтенант-интендант! Хотел бы я на его домик в Германии посмотреть... И внутри побывать...

На станции я достаточно быстро отыскал гауптмана. Он сидел в отдельном кабинете и носа на улицу не казал. С окружающим миром он общался посредством рыжей секретарши, которая заодно была и переводчиком. Выслушав мое сообщение, Крюгер открыл толстую складскую книгу и перевернул несколько страниц. Кивнул головой и что-то сказал секретарше.

– Господин гауптман распорядился проводить вас к площадке погрузки.

– Зачем?

– Это приказ господина гауптмана. – Секретарша надела шубейку и двинулась к двери.

Волей-неволей я пошел за ней. После нашего запирания в пакгауз я на станции больше не был и поэтому с интересом посматривал по сторонам. Судя по всему, в пакгаузах немцы держали что-то взрывчато-неприятное. Повсюду висели таблички «раухен ферботен». Насколько я помнил – эти надписи запрещали курение. Из открытой двери пакгауза показались солдаты, несущие какие-то ящики. Ноги их были обуты в валенки. Интересная деталь! Там, значит, что-то весьма огнеопасное находится... Поставые только провожали нас взглядом, видимо, рыжую тут знали.

Вот и площадка погрузки.

Секретарша бойко затараторила с каким-то пожилым немчиком. Он только головою в ответ кивал.

– По всем вопросам отправки вагонов вам следует обращаться к господину лейтенанту Грубберу, – повернулась она ко мне. – Вам ясно?

– Но меня направили к гауптману.

– Господин гауптман распорядился, чтобы в дальнейшем вы излагали порученные вам указания господину Грубберу. Не следует отвлекать господина гауптмана по таким пустякам. Господин Груббер достаточно понимает русский язык, чтобы вы могли ему пояснить ваши вопросы.

– Теперь ясно.

– На воротах скажете, что у вас поручение к господину Грубберу. Вас пропустят сюда или проводят. По остальной территории станции без провожатых передвигаться запрещено.

– Понятно.

– Ваш сегодняшний вопрос уже разрешен. Господин Груббер выдаст вам соответствующее предписание. На основании которого вы и должны обеспечить подачу вагона в указанное время.

Вот так и началась моя деятельность посредником при темных делишках лейтенанта Беренмайера. На станции я теперь бывал достаточно часто, ибо, поразмыслив, он спихнул на меня практически все станционные дела. Я не возражал, ибо уже успел присмотреть на территории станции некоторые, интересные для меня, *мелочи*. Часовым моя морда тоже примелькалась, меня уже не дергали каждый раз при входе на станцию и не заставляли ждать сопро-

вожающего к Грубберу. В принципе я уже и мимо них сумею пройти на станцию тогда, когда это будет мне нужно. В очередной свой визит я засыпал в карман полушубка горсть четырех-конечных шипов из своих закровов. Проходя по площадке погрузки, я нечаянно (ну, подвернулась нога на льду, вот руками-то и взмахнул, чтобы не упасть...) рассыпал их прямо перед колесами грузовиков.

Время, наконец, замедлило свой бег, и у меня появилось чутье свободного времени. Созвонившись с Крестом (у него теперь и свой телефон есть, правда, только рабочий), мы договорились вечером оттянуться.

Перед самым комендантским часом Крест нагрянул ко мне в гости. Приволок две бутылки шнапса и кое-какую закуску. Шнапса у меня не было, но вот по части закуски я его обставил, и существенно. Все равно пришлось догонять самогонкой, и к двум часам ночи мы все отрубались.

«Холодно, черт. Снег скрипит, точно ниже 10. Но нет худа без добра, не один я тут мерзну. Я-то ладно, двигаюсь как-никак, а вот вам, ребятки, тоскливо. Шинель немецкая – это вам не русский тулуп! Вот и ходим, руками похлопываем. Погоди, милоч, вот скоро зима всерьез долбанет, тогда и померзнешь. Если доживешь... Так, не вынесла душа поэта, спрятался-таки от ветерка. А мы ползком, бочком... Ага, вот и ворота. Что у нас тут? Замок? Виси, дорогой, виси, ты нам не помеха, нам сюда не надо... Вот и грузовички стоят. Я их сегодня видел уже, грузили их немцы чем-то сильно взрывчатым. И уехали бы, но вот незадача – пробило ему оба передних ската, а вечером как чинить? Холодно уже и темно. Только через час и управились. А тут незадача – орднунг, после 21 часа выезд машин запрещен. Вот и остались они тут до утра, ничего, хоть поспят в тепле. Где тут у нас кардан? А, вот он, туточки. Так, теперь растяжечку сюда. Тяжеленькая, ну не зря же к гранате еще и две шашки тротильные прикручены? Цепляем веревочку к кардану, остороженько, хорош! А теперь – ноги мои, ноги, несите меня, куда? Домой, куда ж еще?»

– Дядя Саша!

– Ох... Ну что тебе, родной? Дай глотнуть...

– На службу пора!

– Несло б ее кочками! Чего мы такого вчера сожрали? Башка как котел, не помню ни хрена!

Я с трудом приподнял голову... Крест стоял около кровати, уже одетый по форме, и теребил меня за руку.

– Да все уже, все... встаю.

На улице прилично подморозило, снег хрустел под ногами.

– Ты куда сейчас?

– На станцию, вон и машину уже прислали, – Крест кивнул в сторону подворотни. Там уже стояла старенькая «эмка».

– О! Ну, так и меня по дороге подвези, а то топай тут по морозу. А чего там стряслось-то?

– Да посты дополнительные выставить надо, сегодня утром эшелон какой-то пришел важный.

– А-а-а... Ну, это меня не касается.

Похрустывая колесами по свежему насту, машина бодренько катилась к станции.

– Слышь, – тронул я Креста за рукав. – Давай наискосок проедем, там короче будет.

– Добро, – повернулся он к водителю. – Давай...

БУХ! БЗЫНЬ! Ви-и-и-у!

Там, где только что стояли станционные здания, в небо поднялась стена черного дыма.

Над нашей головой со свистом пролетела какая-то железяка. Земля дрогнула, и тяжелая ударная волна вдавила нас в сиденья...

Коменданту.... гарнизона подполковнику Линдерману

Докладываю Вам, что в результате произведенного расследования по факту взрыва гарнизонных складов инженерного имущества установлено следующее:

1) Проводившаяся за 2 суток перед взрывом проверка несения службы солдатами 34 охранного батальона нарушений не выявила.

2) Проверяющим – майором Акселем было указано на недопустимость нарушения правил погрузочно-разгрузочных работ, вследствие чего на погрузочной площадке отмечались случаи нарушения правил погрузки-разгрузки инженерного имущества. В том числе – взрывчатых веществ. Отмечена стоянка автомашин в недопустимой близости от здания.

Отмечены случаи отогревания замерзших двигателей открытым огнем.

3) Командиру 34 охранного батальона майору Майерлингу было дано письменное указание об устранении выявленных недостатков.

4) Проведенный осмотр не выявил никаких признаков подготовки диверсий и следов проникновения на охраняемую территорию посторонних лиц.

С учетом вышеизложенного полагаю, что имевший место взрыв явился трагическим следствием нарушения установленных правил эксплуатации.

Заместитель коменданта ... гарнизона гауптман Гашке

Радиограмма

Сегодня утром, в 07.10, на станции... произошел взрыв гарнизонных складов вооружения и боеприпасов. Станция разрушена практически полностью. Ее восстановление займет длительное время. Вследствие этого поезда будут вынуждены следовать по обходной ветке, что создает выгодные условия для проведения на ней диверсий. В момент взрыва на станцию прибыл артпоезд с имуществом для тяжелой артиллерии. Поезд взрывом уничтожен, артиллерийские орудия серьезно повреждены. Общее число погибших при взрыве немецких солдат превышает 130 человек, количество раненых уточняется. Потерь среди мирного населения не имеем, т. к. станция обслуживалась силами 6 железнодорожного батальона немецко-фашистских войск.

Краснов

Радиограмма

Благодарим за успешно проведенную операцию.

Предоставьте списки отличившихся при этом лиц.

Михайловский

Радиограмма

Направляю список лиц принимавших участие в планировании и организации.

Краснов

Коменданту... гарнизона подполковнику Линдерману

Обращаю ваше внимание на неудовлетворительную организацию порядка в городе и на прилегающей территории.

Так, только за последнюю декаду месяца на дорогах произошло 2 дорожно-транспортных происшествия с участием автотранспорта оккупационных войск. При этом погибло 2 и ранено 11 военнослужащих

вермахта. Произведенным осмотром мест происшествия установлено, что аварии произошли в результате разбрасывания на опасных участках дороги специальных шипов.

За указанный период времени в городе и окрестностях пропали без вести 4 офицера и 3 нижних чина из числа расквартированных в городе воинских подразделений. Проведенной проверкой их тел не обнаружено. Сведений об их местонахождении до настоящего момента не получено.

Предлагаю вам принять все необходимые меры для исключения в будущем аналогичных случаев.

Начальник.... гарнизона полковник фон Леер.

Как ни странно, большого шума взрыв не наделал.

Усиленные патрули болтались по всему городу около недели, потом все вернулось на круги своя. Крест мимоходом обронил, что взрыв произошел из-за нарушения техники безопасности при погрузке боеприпасов.

Зато в городе стали появляться листовки. В первый раз я заметил их на рынке. Надо отдать должное полициям, просекли их и собрали быстро, минут за 30. Я специально сел на скамейку в скверике неподалеку от рынка, чтобы понаблюдать за этим процессом. Почему? Да уж больно интересно мне было. Листовки появились днем, при большом скоплении народу. Шаг рискованный, но эффективный. Часть листовок непонятным образом оказалась на земле, хотя я не видел, чтобы их кто-то разбрасывал. Одна была приклеена на борт грузовика. Вот это-то меня и заинтересовало более всего. Я видел этот грузовик, еще когда он въезжал на рынок. И никто к нему не подходил. Понятно, что водитель вряд ли приклеил бы листовку на свою собственную машину. Поняли это и полицаи, достаточно быстро его отпустившие. Но вот кое-что от их глаз ускользнуло. Листовки были разбросаны по пути следования этой машины! В кузове людей не было, значит – что? Водитель отпадает, кто тогда?

Через три дня фокус повторился, правда, на борта машин никто ничего больше не клеил. Но механизм разброса был тот же. К тому времени у меня уже были знакомые среди постоянных продавцов рынка (я им кое-что привозил на обмен из деревень). Они-то и рассказали.

Еще три дня – новая порция листовок.

Это уже стало интересным. Задержалась и полиция, видимо, руководящий кирпич долбанул-таки кое-кого по темечку. Патрулей на рынке стало больше. Но эта мера не помогла.

Полуторка наша внезапно потребовала ремонта (сказались на ней таки наши дальние поездочки), и Хасан отогнал ее в городской гараж. Дабы ускорить ремонт, я притащил заведующему гаражом пару литров самогона, который мы с ним и распили. После этого он самолично наведалься в ремзону и дал руководящие ЦУ слесарям.

– И побыстрее, ребяташки! – включился я в разговор. – А то нам завтра на рынок продукты подкинуть надо, да и оттуда кой-чего захватить.

Однако же успеть с ремонтом до завтра слесаря, как ни старались, не смогли. Машину выпустили из ворот только к обеду следующего дня. Не успели мы отъехать на пару километров, как я остановил Хасана.

– К конторе давай.

– Нам же сегодня в Михайловку?

– Да забыл я там кой-чего.

Подъехав к работе, Хасан, остановив машину, побежал в подсобку – дремать. А я, сделав крюк, вернулся к машине.

«Так, что у нас тут НОВОГО появилось? Кузов – чисто. Кабина – тоже. Где? А, вот оно – на подвеске».

Присобаченный проволокой, под кузовом висел бумажный пакет. Раскрыв его, я удовлетворенно хмыкнул. Так и есть, листовки. И до чего же остроумно придумано! При въезде на

рынок – яма, машина прыгает на этом ухабе – пакет рвется по линии обвязки, и на землю вываливается камень. К камню привязана нить, которая и вытаскивает за собой листовки, одну за другой. Они прошиты по верхнему краю ниткой, и каждая листовка, выпадая, от нитки отрывается. (Я еще на рынке обратил внимание на странные надрывы бумаги.) Ну, пора уже и в гараж визит нанести...

Этого парня я заметил еще в первый визит. Он обслуживал другую «яму», но к нашей машине пару раз подходил (кстати, именно после одного из таких визитов на машине «вдруг» потек радиатор). Выбрав момент, я отозвал его в сторону:

– Эй, дружище, на минуточку тебя можно?

– Да, слушаю вас внимательно!

– Да вот тут одну штучку у нас в машине обронили, – протянул я ему раскрытую ладонь. –

Чье бы это, не знаешь?

На ладони у меня лежал кусок проволоки и свернутый пакет из-под листовок.

«Опа! Есть попадание! Дернулся паренек».

– Да мало ли тут такого добра лежит...

– А такого? – продемонстрировал я ему катушку ниток с иголкой. Катушку я одолжил утром у соседки, нитки на ней похожи на те, которыми были прошиты листовки.

Рука у парня инстинктивно дернулась к карману.

– Тихо, тихо, – придержал я его за руку. – Не торопись и не хипешуй. Разговор у меня к тебе есть. После смены, вон, лавочку видишь? Подходи, побазарим кое о чем.

Ждать пришлось долго, но парень пришел.

– Ты на ногах не стой, правды в них нету, – подвинулся я. – Садись, поговорим.

– Не о чем мне с вами говорить!

– Однако ж пришел? Значит, есть тема для разговора?

– ...

– Идея у вас хорошая, только вы это дело завязывайте.

– Не понимаю, о чем это вы?

– Давай ты не будешь совсем дураком прикидываться? Полицай на моем месте с тобой разговаривать не стали бы. Ты б уже часа два как соловьем у них в подвале разливался бы. И убеждать бы тебя никто не стал. Дали бы по чавке пару раз, и все.

– Чего вам от меня надо-то?

– Ты сам мне и в болоте не уперся! Сказал тебе русским языком – с листовками завязывайте! Найдется умный кто, сопоставит способ разброса, частоту появления, да и сверит это со списком работающих в гараже. И все! И приплыли. Думаешь, я просто так к вам приказал? Листовки с интервалом в три дня появляются, значит, их либо печатают медленно, либо мастырить свою систему вы можете нечасто. Последнее я проверил – не катит, не фиг там и мастырить, делов-то на пять минут – пакет подвесить. Собираешь ты его в гараже и вешаешь уже готовый, так? Значит, листовки печатают не в городе и привозят их раз в три дня. Ты вот мне радиатор на хрена пробил? Листовок у тебя не было, чтоб мне повесить, я специально так подгадал свой приезд.

Парень убито молчал.

– Короче. С тобой мне базарить не с руки. Мне твой главный, пусть и не самый, нужен. Есть у меня к нему разговор. Вот бумажка, тут адрес мой. К ночи я почти всегда дома. Пускай смотрят, пасут, мне до фени. Пусть или сам придет, или пришлет кого серьезного. Усек?

– Да...

– Ну и бог тебе навстречу, бывай.

«Придут или нет? По идее – должны, я для них объект интересный и много чего сотворить могу. Один я тут не шибко делов наворочаю, хотя... Кое-что у меня в заглавнике есть. А как доказать, ежели что? Бумаги? Катит... А еще что? А больше ничего и нету...»

Они пришли ночью, через четыре дня.

Дверь я не закрывал и шаги их услышал заранее. Пришло их трое, один остался на лестнице, а двое вошли ко мне.

– Вы хотели нас видеть?

– Вас – это кого?

– В смысле?

– В прямом. Вы ж не сами по себе люди, за вами стоит кто-то?

– Мы представляем подпольный обком партии, вам этого достаточно?

«Мать, мать, мать! Прямо тебе кино – «Подпольный обком действует». Хотя вполне достоверно, может и так быть».

– Вполне.

– Итак, что вы хотели сообщить?

– Вы уже знаете, где я работаю?

– Да, вы работаете на немцев.

– Ну, советская власть меня на работу не взяла. А жить как-то надо. Но вы правы, давайте ближе к делу. Я располагаю ценными сведениями о дислокации немецких частей, их численности и многом другом.

– И откуда у вас эти сведения?

– Не забываете – наша контора их кормит. Не только наша, естественно, но узнавать при этом что-то интересное вполне возможно. Кроме того, я располагаю возможностью свободного перемещения в городе и вокруг него. У меня есть автотранспорт.

– Это все?

– Нет. Не все. Есть и еще кое-что, что я могу сообщить уже на Большую землю.

– Почему не нам?

– Извините, но это не ваш уровень. Без обид, но некоторые вещи вы просто не знаете.

– Почему вы так в этом уверены?

– Вы не поймете... Я уже объяснял это представителям НКВД, но...

– ?

– Нужен выход НАВЕРХ. Не на самый, но уровень должен быть СЕРЬЕЗНЫМ.

– И как вы себе это представляете? Сюда должен кто-то прибыть для разговора?

– Нет. Переправьте меня на Большую землю, ясен пень – не в тюрьму.

– Это вряд ли. Никто не будет проводить такую сложную операцию для того, чтобы вывезти в тыл бывшего зэка.

– А то, что бывший зэк может знать что-то, что имеет значение для победы в войне?

– И откуда?

– У меня свои источники информации.

– А у нас – свои. И мы им верим. И по нашим данным, у вас не может быть ничего сверхважного, не тот у вас уровень.

– Значит, ваши источники ошибаются.

– Это беспредметный разговор. У вас есть еще что-либо, что вы можете сообщить нам?

Конечно, есть! Я им тут до утра говорить могу! Я вспомнил капитана. Уж на что там был спец, так и то...

– Хорошо. Вы мне не верите. Что я могу сделать, чтобы заслужить ваше доверие, и тогда мы вернемся к этому разговору?

– Для начала вы получите листовки и разбросаете их.

– Где?

– У себя в конторе и в полиции.

– У вас с головой все в порядке?

– Вы отказываетесь?

– Нет. Но кого я ТАМ должен агитировать? Беренмайера? Начальника полиции? Или полицаев?

– Они увидят, что даже в их рядах есть патриоты Родины.

– И быстро их вычислят.

– Значит – вы трусите?

– Я не хочу ГЛУПО рисковать головой. Своей, ибо вы своей головой в данном случае не рискуете.

– Это задание советской власти. Вы отказываетесь его выполнять?

– Я полагаю, что это ваша ЛИЧНАЯ идея. Или кого-то повыше. Акция, что и говорить, – резонансная. Только бессмысленная. И пользы от нее – ноль.

– Ну что ж... мы доложим о нашем разговоре. До свидания.

– Бумаги возьмете?

– Какие?

Я вытащил из-за шкафа папку и передал ее главному. Он открыл и минут пять листал страницы.

– Откуда это у вас?

– Немцы «потеряли». А я – нашел.

– Где же?

– А вам не все равно? Второй такой там нет.

– Хорошо. Мы и это учтем.

Парочка визитеров вышла за дверь, и я услышал, как они затопали вниз по лестнице. Третий постоял еще минут 15 и тихонечко спустился за ними следом.

Радиограмма

Представителями подполья осуществлен вербовочный подход к Манзыреву Александру Михайловичу, 1890 года рождения. Ранее неоднократно судим. В настоящее время работает у немцев. Занимается продовольственными поставками. По нашим сведениям, он разочарован политикой оккупационных войск немцев и ищет контактов с подпольем. В предварительной беседе Манзырев дал согласие на сотрудничество.

Начальнику.... отдела капитану тов. Маркову А.Т.

Сегодня в 05.30 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В.В.

Начальнику..... отдела..... подполковнику тов. Шергину В.А.

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.

Текст прилагается.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

Старшему группы капитану Нефедову В.А.

Немедленно прекратить все контакты с Манзыревым А.М. Наблюдение снять.

Начальник..... отдела..... подполковник Шергин В.А.

Радиограмма

Под вашу личную ответственность, с получением сего немедленно прервать все контакты с Манзыревым А.М. Наблюдение снять. Об исполнении доложить.

Радиограмма

Направляем вам полученные оперативным путем документы отдела связи штаба... армии.

Они больше не придут.

Сейчас я это понял окончательно. Во время последнего визита в гараж я выяснил, что интересующий меня парень там больше не работает. Надо полагать, что дома его тоже уже нет. Снова пустота. И снова я один. Хасан... по большому счету, тоже не сахар. Да, он исполняет свое дело, но лишь пока считает это нужным. Выгодным для него. Наверное, было ошибкой передать им папку с бумагами. Но хоть так они попадут к нашим. Попадут ли? Стоило ли ваньку валять, рисковать башкой, добывая ее? Не знаю... Теперь я уже ничего не знаю. На автомате тащу свои служебные обязанности, на автомате...

В-в-з-з-ж!

– Твою мать! Хасан! Заснул?!

– Зачем так сказал? Сам смотри...

Поперек дороги раскорячилась машина. «Мерседес», надо же... Солдат с автоматом указывая машет рукой, указывая на обочину. Остановимся, мы законопослушные.

– Хальт! Стоять!

– Стоим уже, стоим!

Невысокий лейтенант, припадая на ногу, подошел к нашей машине. Грамотно подошел, сектор обстрела автоматчику не закрывает, однако.

– Папир! Документы!

– Битте, – я протягиваю ему наши с Хасаном бумаги.

Немец внимательно их листает и, удовлетворенно поцокав языком, возвращает назад.

– Надо помощь! Туда! – и он показывает рукой на «Мерседес».

Надо так надо. Вылезает из машины и идем к легковушке. Краем глаза замечаю еще одного автоматчика, этот стоит сзади полуторки. Во как! Их двое? Подходим к машине и видим поодаль, в кювете, лежащий набоку мотоцикл. У «Мерседеса» спущены оба передних колеса.

– Ремонт! – показывает лейтенант.

Так, значит, колеса чинить? А что у них тут произошло, интересно? Ага, в коляске пулевые пробоины, вон покойничек лежит. Интересно, партизаны постарались, выходит? Я протянул руку к двери «мерса».

– Цюрюк!

– Машина тяжелая, господин офицер! Не поднять, а так колесо не снять. Надо, чтобы пассажиры вышли.

Лейтенант подошел к двери, приоткрыл и что-то сказал. Потом повернулся и махнул рукой автоматчикам. Один из них подтянулся ближе и не сводит с нас внимательных глаз. Вторым закинул автомат за спину и наклонился к машине. Вот там у них кто! Из машины, припадая на ногу и опираясь на лейтенанта и автоматчика, выбрался еще один немец. Высокий, седой, в шинели с красными отворотами. Генерал! Из-за руля выбрался еще один, ага, ефрейтор. Водила, стало быть. Тоже кривится, видать, досталось и ему. Однако багажник открыл и инструментами поделился. Хасан присел ниже и заработал домкратом.

Так, сколько их тут? Генерал, лейтеха, два солдата и водитель. Все? Вон в канаве еще один, этот уже отбегался. Еще есть кто-нибудь? Судя по всему – нет. Что они тут делали в такую рань? Штаб корпуса? Километров 30 отсюда. Туда ехали? Возможно, даже очень возможно. Мало охраны? Отчего ж, хотя...

– Шнель, шнель!

Вот, блин, черт нетерпеливый! Хасан уже снял колесо и занялся его разбортовкой. Автоматчик переместился вбок, не нравится ему монтировка в Хасановых руках. Так, а где гене-

рал? Вон он, у нас в кабине сидит. Лейтенант рядом стоит, говорит что-то. А остальные где? Черт... не вижу, ждем, ждем.

Через полчаса мы закончили возню с колесами, и вся процедура повторилась в обратном порядке. Генерал оперся об солдата и лейтеху, а водила полез в багажник – укладывать отобранный назад инструмент. Остался незанятым только недоверчивый автоматчик, уж больно Хасан ему не понравился. Я кашлянул. Звякнула об асфальт уроненная Хасаном монтровка, и взгляды всех присутствующих на долю секунды отвернулись к ней.

Ках!

Отброшенный пулей, автоматчик выронил из рук оружие.

Ках!

Сунулся головой вперед водила.

Ках! Ках!

Рухнули на землю лейтеху и второй солдат.

С неожиданной резвостью генерал сунул руку в карман шинели. Ках! Все, отбежался...

– Зачем так? – Хасан недовольно посмотрел на покойников. – Большой офицер был, искать скоро будут.

– Большой офицер – и деньги большие, так?

– Так. Но все равно зря это. Скоро их искать уже будут, что делать станем?

– Вон в кювете один уже лежит, это ведь не наш?

– Нет.

– И эти тоже.

– Хм...

– В лесу точно следы есть, гильзы найдут. Пусть их и ищут, а нас тут не было. Давай делом займись, только быстро.

Хасан в темпе полез шмонать немцев, а я, переложив наган в правую руку, стал выбивать пустые гильзы из барабана. Перезарядившись, я проверил машину. Так, барахло. Это что? Хасану, он до золота падок. Ага, а вот эти бумажки мне очень даже кстати будут. И эти тоже. И эту папочку сюда же.

Через пять минут, оставив за спиной горящий автомобиль, мы в темпе двигались к городу.

Да, вот уже достаточно времени мы с Хасаном потихонечку отлавливаем одиноких (и не очень) немцев. Хасан свято уверовал в мое уголовное прошлое. Сам он, оказывается, тоже успел отсидеть пятерик за разбой. И поэтому практически сразу поверил в то, что я это делаю исключительно из-за денег. Поскольку почти все деньги, взятые у немцев, я отдаю ему, он счастлив. И будет молчать, как рыба. Во всяком случае, пока. С его точки зрения, все равно кого грабить. Разницы между русскими и немцами он не видит, для него все они – одинаково неверные. Я, кстати, тоже. Но я ему пока нужен. Вопрос только в том – надолго ли? Это еще хорошо, что он не знает всего остального...

Убитый генерал оказался неслабой фигурой – заместитель командира корпуса. Хай тут же поднялся изрядный, немцы две недели утюжили леса всеми доступными способами. Даже авиация чего-то там бомбила. В городе резко затянули гайки, увеличили количество патрулей, и, если бы не ночной пропуск, мне бы стало совсем кисло. Крест похудел и осунулся, ему стало не до пьянок. С утра и до поздней ночи бегает по городу, проверяет посты. Даже Беренмайер прочел нам лекцию о бдительности. Подполье тоже притихло, видимо понимая всю серьезность момента. Листовок больше не появлялось, стрелять тоже перестали. За все это время мне только и удалось, что задавить на станции какого-то гауптмана. Пользуясь тем, что большая ее часть до сих пор лежит в развалинах, я заныкал его в руинах печально знакомого мне пакгауза. Сразу его там не отыщут, а когда найдут...

Вечерами я сижу и разбираю «наследство». Его тоже накопилось преизрядно, так что солдатские зольдатенбухи пришлось отложить в отдельный пакет. Генеральские бумаги тоже занимают немало места, жаль, что моего знания немецкого не хватает для их тщательного изучения. Начал вести нечто вроде боевого журнала, где пытаюсь систематизировать свои «подвиги». Получается плохо, некоторые вещи подзабылись, да и писать я не силен.

Пользуясь болезнью Хасана (ногу он подвернул на обледеневшей лестнице), я единолично на полуторке совершил вояж в сторону фронта. До него далеко, километров триста как минимум, может уже и больше, не знаю точно. Нашел в один из выездов разбомбленный хутор и перетащил туда часть запасов. Мог бы и больше, но Беренмайер грузит меня не по-детски. Он тут собрался домой, в отпуск на Рождество. Вот и хочет притащить своим дочкам побольше всяких приятностей. Поэтому мы и бегаем, как намыленные.

В одну из своих поездок по деревням я заметил на улице знакомое лицо. Ба, да это же тот самый парень из гаража. Надо будет заглянуть сюда на огонек (староста тут любитель выпить) да и невзначай им поинтересоваться...

Собираясь в очередную поездку, я уже обдумывал слова, которыми припру его к стенке, когда ко мне постучалась одна из наших «барышень» и сообщила, что меня вызывает шеф. Опять за рыбу гроши! Ну что ж ему еще надо-то?! С этими мыслями я постучался в дверь Беренмайера.

– Войдите!

Я распахнул дверь.

– Присаживайтесь, господин Манзырев. – В кабинете шефа кроме него находилось еще трое. Незнакомый мне майор и два солдата.

– Здравствуйте, господин майор, – сделал я шаг к столу. – Меня господин Беренмайер вызывал.

– Вас вызывал я. Господин Беренмайер любезно предоставил нам свой кабинет. Позвольте ваше оружие?

Так! Это уже хреново. И что я могу сделать? Один солдат стоит спереди слева, второй справа от меня. У переднего кобура расстегнута, между нами стул. Правого не вижу, он чуть сзади стоит. Майор сидит за столом – что у него там? Рывок? Куда? А если еще и в коридоре кто-то есть?

– В портфеле наган. Принести?

– Не трудитесь. Генрих! – майор указал головой на дверь.

Так, сейчас один из солдат выйдет, их будет двое. Шанс!

Правый солдат приоткрыл дверь и, что-то сказав, вернулся на свое место.

Вот как? Он знает русский язык? Обычный солдат, даже и не унтер? Да и в коридоре кто-то есть. Перекрыли хорошо. Что делать, зачем они тут? Им что-то от меня нужно, это очевидно, но что?

Стук в дверь. Генрих подошел к двери и принял в руки мой портфель.

Обходит он меня грамотно, ближе двух метров не подходит. Рискнуть? Наган в портфеле, я могу его сбить с ног, вырвать портфель, и тогда... Что тогда? Тот, что слева, будет стрелять. Будет, вон он у него правая рука напряжена. Майор смотрит с интересом, глаза прищурены... С интересом? Чего он ждет? Провоцирует на прыжок? А вот те хрен! Я остался сидеть.

Майор тем временем вытащил из портфеля наган и положил его на стол. Вытащил разрешение и стал его просматривать.

А наган-то лежит в полутора метрах от меня! Успею достать? Успею. И из портфеля вынимать не надо, вот он. Стволом ко мне повернут... А в барабане-то пусто! Разрядили, пока несли?

– Что ж у вас, господин Манзырев, оружие в таком состоянии? Вон, в крошках каких-то, не вычищен?

Господи, да ему-то какое до этого дело? Еще один инспектор разрешиловки по мою душу? С таким эскортом? Не складно.

– Так лежит и есть не просит. Я ж его и не вытаскиваю никогда.

– А стреляли где и когда?

– Ну... был грех с полицейскими, день рождения отмечали чей-то. Ну выпили, как водится... Вот и...

Майор покивал головой. Видимо, про это он знал. Интересно, выходит, за мной смотрели?

– Ну, впрочем, это не мое дело. У вас есть во что переодеться? – Он кивнул на мою одежду: – Во что-нибудь более приличное?

– Да. Есть дома костюм, и пальто хорошее я купил. Сходить?

– Вот и хорошо. Нет, ходить куда не надо, мы заедем к вам домой.

– Господин майор! Я же на работе, мне сейчас ехать надо.

– Не волнуйтесь. Лейтенант Беренмайер в курсе.

– А...

– Вам придется проехать с нами. У НАС есть к вам несколько вопросов.

У НАС? У кого это – у нас? Мундир общевойсковой, по-русски говорит без акцента. Комендатура? Я всех их знаю, да и не стали бы переодевать, я там и в таком виде бываю часто. Гестапо? Райнхельт? Не знаю, в каком он там звании, но майора за мной точно бы посылать не стал. У солдат повадки опытных телохранителей или боевиков. Охрана майора? Возможно... Но кто он тогда такой?

Между тем мы вышли на улицу. Перед крыльцом стояло две легковушки. Майор сел в переднюю. Меня вместе с обоими солдатами усадили во вторую. Краем глаза я заметил Хасана, он провожал нашу процессию удивленным взглядом. Так, его не взяли, значит, про наши с ним фокусы не знают. Уже хорошо! Машины вырулили со двора, и к нам спереди и сзади пристроилось еще и по мотоциклу. Неслабо! Вот это эскорт! Покойный генерал – и тот с одним ехал. Что же за птица этот майор?

Подъехали к дому. Солдат открыл мне дверь, и вместе с ними обоими я поднялся по лестнице. Входная дверь ко мне в квартиру была открыта...

Солдат подтолкнул меня в спину, и мы вместе вошли ко мне домой.

Там уже были гости. Еще два солдата и некто в штатском расположились за моим столом и просматривали содержимое чемодана, который раньше лежал под кроватью. Мое появление не вызвало у них никаких эмоций, они спокойно продолжали заниматься своим делом. Только штатский, окинув меня взглядом, кивнул моему сопровождающему.

– Нам туда, – показал я рукой. – Костюм в шкафу. Пальто – вон, на вешалке.

– Одевайтесь, – солдат говорил на хорошем русском языке. – Не стесняйтесь, женщин тут нет.

Ну, нет так нет. Не торопясь (а куда мне было спешить?), я переоделся. Взял из шкафа новые ботинки, надел пальто.

– Могу я взять что-нибудь из вещей?

– Например?

– Бритву, помазок. Я же не знаю, как надолго мы едем, не хотелось бы отсвечивать небритой мордой.

Солдат переглянулся со штатским, и тот еле заметно помотал головой.

– Укажите, что вам нужно, и мы это привезем.

– Вон бритва и помазок в коробке. Мыло на умывальнике в кухне. Я бы хотел взять еще и запасную рубашку.

– Отложите ее, и мы все захватим с собой.

– Вот эту.

– Хорошо. Это все?

– Да, все.

– Тогда пойдемте.

Мы вышли во двор. Майор стоял у головной машины и курил.

– Вы готовы?

– Да, готов. Как долго нам ехать?

– Прилично. Поспать успеете.

– Генрих, – это уже к сопровождающему. – Долго там еще?

– Нет, господин майор, уже заканчивают.

– Поторопите их, нам еще ехать.

– Слушаюсь, господин майор!

Через пять минут мои «гости» спустились во двор. Штатский подошел к майору и минут десять что-то ему рассказывал. Передал какой-то пакет. Наконец, майор кивнул головой, и их беседа закончилась. «Гости» направились к подворотне, а майор кивнул мне на автомобиль:

– Садитесь, пора ехать.

– Квартиру бы закрыть, господин майор...

– Не волнуйтесь, ничего не пропадет. Садитесь!

Пожав плечами, я полез в машину.

Пропетляв по городу, наша кавалькада выехала на шоссе, и машины прибавили скорость. Ехали мы действительно долго, я успел задремать и проспал, наверное, не меньше часа. Видимо, отъехали мы прилично, ибо пейзаж за окном был мне явно незнаком. Пару раз нас останавливали посты, из передней машины им что-то показывали, и к нам они даже и не подходили.

Но вот уже, похоже, и цель поездки.

Машины остановились перед глухими воротами. Справа и слева от ворот тянулся в лес высокий забор. Скрипнув, ворота распахнулись. Надо же – шлюз. Машины въехали в него, и ворота закрылись за нашей спиной. Ни одной живой души я не видел. Открыв дверь, солдат вышел из машины и кивком головы предложил мне сделать то же самое. Из неприметной двери сбоку вышло четверо солдат. Быстро и деловито они осмотрели наши автомашины. Еще двое, так же молча, проверили документы у всех, кроме меня. Такое впечатление, что меня они вообще не видели. Закончив проверку, солдаты скрылись за дверью, и внутренние ворота распахнулись перед нами. За воротами опять был лес и узкая дорога между деревьями. Метров через 200 мы выехали на просторную площадку, где уже стояло несколько автомашин. Все, конец пути. Водитель заглушил двигатель, и мы все вышли на улицу.

– Туда, – солдат указал рукой на двухэтажное здание в конце площадки.

Мы все вместе (майор шел впереди) подошли к зданию. Автоматчик на входе, проверив документы у майора, щелкнул каблучками и вытянулся. Майор, два солдата и я поднялись по лестнице на второй этаж и, пройдя по коридору метров 20, остановились у обитой кожей двери. Майор поправил фуражку и постучал в дверь.

– Херайн! (Войдите!) – Майор открыл дверь.

– Господин полковник! Разрешите доложить – господин Манзырев по вашему приказанию доставлен.

– Пусть зайдет. Вы свободны, господин майор.

Я вошел. Дверь за моей спиной тихонько щелкнула, и сопровождающие остались в коридоре. Большой, метров 50, кабинет, хорошая кожаная мебель. Радиоприемник в углу на низком столике. Хозяин кабинета стоял ко мне спиной около окна и курил в форточку.

– Садись... дядя Саша, – сказал он, не оборачиваясь. – Поговорим?

Он повернулся к столу и загасил сигарету в пепельнице.

– Здравствуй... Барин. Или тебя уже как-то иначе ТУТ называть надо?

- Нету больше Барина, дядя Саша. Нету. Кончился весь, еще там, во дворе.
- Так кто же ты теперь? И что это вообще тут за шарашка?
- Полковник Генрих Ланге. Военная разведка – абвер. Слышал?
- Да откуда ж. Полковник... Эк, залез-то! Не страшно?
- Не залез, дядя Саша. Вернулся. Домой.
- Так, подожди... Ты немец, значит?
- Чистокровный. Всегда им был и им же и помру.
- Во, значит, как... А что же ты тогда на зоне-то делал? Туда-то ты как попал?
- Разные бывают случаи, дядя Саша, разные. Иногда и чужое на себя брать приходится, чтобы живым остаться.
- Не понимаю, – я помотал головой. – Не слышал я раньше про такие штуки.
- И я, дядя Саша, много про что не слышал. Однако вот пришлось научиться.
- Ты и по-русски, как я, говоришь, а выходит – немец.
- Не нравится?
- Непонятно. Странно как-то и непривычно.
- Тут каждый второй так говорит. Майор вон, так тот вообще в школе учителем работал.
- В школе?
- Ну да. В Белостоке. В обычной средней школе, детей до войны учил.
- А потом, значит, к вам пришел.
- Не пришел. Вернулся.
- Как ты?
- Как я. Только не так кроваво это у него вышло.
- Да уж, – я скрипнул зубами. – Если б не эта... Если б не Иголка... Попадись он мне...
- Не только тебе, дядя Саша, не только тебе. Он бы здесь у меня пол насквозь бы прогрыз, аж до подвала, веришь?
- Верю. Злой ты, как я погляжу.
- Не злой я, дядя Саша. Справедливый. А что у нас по справедливости за предательство полагается?
- Пику в бок – и в аут.
- Хм-м... Ну так тоже можно. Хотя и другие способы есть. Пить будешь?
- Буду, конечно. У тебя тут, поди, не самогоном поят?
- Обижаешь... В таких хоромах – да самогон?
- Ланге потянулся рукой к столу, что-то там нажал. Из не приметной двери, справа, беззвучно возник коренастый солдат. Быстро расставил на приставном столике рюмки и тарелочки с закуской. И так же беззвучно исчез. Мы присели к столу, и Ланге плеснул мне водки. Себе тоже налил, и мы, не чокаясь, выпили.
- Слышь, Барин... Тыфу ты, даже и не знаю, как тебя сейчас величать-то?
- Наедине и Генрихом можешь. А на людях – господин полковник.
- Ага, понял. Ты вот скажи, на кой я тебе сейчас-то сдался? Сызнова бежать ты вроде уже и не собираешься?
- Ты мое хозяйство видел?
- Откуда же? Мы только по этой дорожке через лес проехали, и все. Ничего я, кроме леса и ворот, не видел.
- Тут у меня народу нехило. Даже и твои знакомые есть.
- Это какие же у меня ТУТ знакомые есть? Откудова им тут взяться-то?
- Ланге усмехнулся, снял телефонную трубку и бросил туда несколько слов.
- Вот сейчас и посмотришь.
- В дверь постучали.

– Разрешите? Господин полковник, унтер-офицер Дьяченко по вашему приказанию прибыл!

Я обернулся.

На пороге стоял... Длинный. В немецкой военной форме.

– Знакомы? – усмехнулся Ланге.

– Видел я его, – ответил я. – Не убедил он меня.

– Это почему же?

Так, про сигареты и сытость помолчим, слишком уж нетипична такая подозрительность для бывшего ээка. Или в норме?

– Говорит он не так. А второй, которому я поленом заехал, тот командные нотки в голосе прятать не научился. А сам даже и не в законе. Не по масти ему так борзеть, молод ишшо.

– А ведь еще что-то есть, – прищурился Ланге. – Да?

– Есть, – кивнул я головой. – Он мне тогда сказал, что они лампочку кокнули, так?

– Так, – подтвердил Дьяченко. – А что тут неправильно?

– А то, что она через два часа снова горела.

– Так постовые и ввернули новую лампочку.

– Ага! И НОЧЬЮ осколочки подмели? Я специально утром посмотрел, не было там ничего. Договорились вы с ними, вот они свет и погасили.

Дьяченко открыл рот и снова его закрыл. Промолчал.

– Понял? – посмотрел Ланге на него тяжелым взглядом. – А на ТОЙ стороне такой ляп в могилу тебя сведет. Да и не одного тебя. Свободен!

Дьяченко молча козырнул, повернулся через плечо и вышел.

– Остальные тоже твои?

– Мои, – кивнул Ланге. – Но этот старший был.

– Ну, те вообще лохи.

– Знаю. Вот и займись ими, дядя Саша. Да, и кроме того, сколько у тебя побегов?

А сколько их? Крест вспоминал про четыре, но, надо полагать, это не все. А, была не была!

– Восемь.

– А жмуrows?

– Не считал, но десятка два точно есть.

– Да ну?

– Ну, может, и больше.

– Тебе и карты в руки. Жизнь ты знаешь, *порядок* тоже. Вот и натаскай ребятишек моих.

А я уж в долгу не останусь. Мое слово крепкое.

– Чему я их учить должен?

– Как по жизни себя ПРАВИЛЬНО вести. Что кому говорить, как себя вести на зоне и в жизни. Чтоб ни один опер не расколол, что перед ним не ээк...

– Ну, это смотря какой опер будет. Ежели такой, как тот капитан, – то тут и мне ловить неча.

Ланге помрачнел, плеснул нам обоим водки.

– Такой – вряд ли. Он такой же капитан, как я генерал.

– Не понял?

– А он и не опер вовсе. Он по мою душу приехал. Из контрразведки он.

– А чего ж он тогда в капитанских петлицах форсил? И все вертухаи перед ним тянулись?

– Ему зеленкой лоб кому помазать – как тебе чихнуть. Меня он искал, точно тебе говорю.

Знали они, что в этапе немецкий разведчик, да не знали кто именно. Вот и шерстили всех подряд.

– Во как...

- Да. Не прорвись тогда мотоциклисты к тюрьме вовремя – кирдык нам всем был бы.
- Вот, значит, как оно все складывается... Да уж, поговорил бы я с ним ТЕПЕРЬ.
- Опоздал, дядя Саша. Они, когда на прорыв пошли, под пулемет попали, вот его и... Не рассчитали они, с расстрелом затянули. Им бы нас по камерам кончить, а так... Все по порядку сделать хотели, вот и упустили время.
- Так, я слышал, и тебе досталось?
- Было дело. В ногу прилетело и уже лежащему – в руку.
- Эх...
- Да. Хорошо, врача быстро организовали, а то истек бы я там кровью, и все. Мы помолчали.
- Так как, дядя Саша? Пойдешь к нам?
- А куда ж я теперь-то денусь? Взялся за гуж... Два раза все едино к стенке не поставят, так что нет у меня другого пути.
- Ну, к стенке тебя ТЕПЕРЬ поставить не так уж и просто будет. Абвер своих не сдает.
- А как я на работе все объясню? Меня вон с каким конвоем повезли-то?
- А так и объясни. Возили, мол, на допрос.
- Это на двух-то машинах?
- Так и не лоха какого кончили. Целый генерал погиб.
- Это ты, случаем, не про того, которого партизаны из леса подстрелили?
- Про него. Только не партизаны это были.
- А кто ж тогда? Говорили, что из леса напали.
- Ага. И по воздуху, как птички, сто метров пролетели, снегу не помяв.
- Не понял?
- Стреляли по нему действительно из леса. Солдата одного положили. Ты вот скажи мне, смог бы ты из своего нагана за сотню метров человеку в лоб попасть?
- Да и я не смогу, и никто другой не сможет.
- Вот. А из леса никто к дороге не подходил, следов нет, снег нетронутый лежит. Значит, несколько человек работало. Одни его тормознули, а как встали машины, так другие и добили.
- Вот оно, значит, как...
- Вот так. Ищем мы их, тут они, где-то совсем рядом сидят. Генерал внезапно выехал, про поездку никто чужой не знал.
- Интересно, а ты-то откуда это знаешь? Вы ж, как я понял, – разведка? А тут скорее гестапо искать должно, это ж вроде как их дело-то?
- Они и ищут. Только генерал от нас выехал, смекаешь?
- Ух ты... – Вот тебе и ух. Ладно. С этим все.
- Ланге встал и прошелся по кабинету.
- Представление я на вас сегодня же и отправлю. Не обижайся, порядок такой. Кандидатуры ваши должны сначала в Берлине утвердить, потом уж и наше ведомство здесь приказ издаст. Будешь готовить таких вот, – он кивнул головой на дверь, – как этот Дьяченко, лопухов. Чтob не слишком уши развешивали. Жить будешь тут. В городе, как я понимаю, тебя ничего не держит?
- Нет.
- Вот и славно. Но недельку поживешь дома, пока не утвердят твою кандидатуру. Ходи на работу, живи, как обычно. Будет приказ – перевести тебя в гебитскомиссариат.
- Это еще куда?
- Тебе не все едино? Далеко это. На самом деле – сюда тебя привезут.
- Понял.
- Тогда все. Машина внизу, отвезут тебя домой.
- Я поднялся и сделал несколько шагов к двери.

– Дядя Саша!

Я обернулся. Ланге держал в руках пакет. Тот, который передал майору штатский.

– Подойди-ка сюда...

Я подошел к столу. Ланге высыпал из конверта пачки денег и поворошил их рукой.

– Душевно тебя прошу, дядя Саша, завязывай с этим делом.

– С каким?

– Взятки брать переставай. Хватит уже, и так вон сколько нахапал. А то, в случае чего, и мне тебя отмазать трудновато будет. Этого нигде не любят, у нас тоже. Понял?

– Да, не дурак, соображаю.

– Ну, будем считать, что и этот вопрос закрыли. – Он пододвинул мне деньги: – Забирай свое добро. Давай, готовься, память освежай. У меня на вас большие планы имеются.

Машина стояла напротив дверей. Когда я вышел на улицу, выскочивший солдат открыл мне дверь и предложил садиться. Все повторилось в обратном порядке. Дорога между сосенок, шлюз, молчаливый досмотр – и вот мы уже катимся по лесной дороге. Спать мне уже не хотелось, и я смотрел в окно на проплывающий мимо пейзаж.

Неужто пронесло? Призрак толстого северного зверька ехидно подмигнул мне из леса. Какое там! Первая же лекция будущим курсантам, ну, максимум – вторая, и этот призрак будет вполне материален. Да любой из них знает о жизни в СССР больше меня в несколько раз! А про жизнь в зоне – так и на несколько порядков. Это мне ПОКА везло, никто с расспросами не лез. Первый же прокол (а в том, что он будет скоро, я не сомневался ни минуты) – и все. Заманчиво, конечно, – попасть в разведшколу и передавать данные своим. Только как передавать? Связи у меня нет и не будет. Попасть в школу – я, положим, попаду. Да только вот в каком качестве? В качестве инструктора спецподготовки – самое мое, только кто ж меня туда возьмет-то? Я и своей-то темы не знаю абсолютно, а тут вдруг на другую, не менее серьезную, замахнусь. Симулировать разве потерю памяти? Интересная амнезия получается. Часть памяти стерла, а часть – добавила. Да, и весьма специфическую часть, надо отметить! Бред. Немцы не лохи, и на мякине их не провести. И никакой Ланге тут не поможет, наоборот, будет первым в рядах сомневающихся. Вывод? Надо делать ноги! И скорее! Пока он там будет свои представления писать... Представления... писать... Представления?! Есть еще кто-то!

«У меня на вас большие планы имеются...» Точно, есть второй, а может – и третий.

Ланге говорил уверенно, так, словно не сомневался в нашем согласии. Да, скорее всего, так и есть. «Представления писать... писать...» Значит – беседа уже была, согласие получено? Он не сказал – беседовать, значит, это уже не нужно. Кто они? Он говорил так, словно я знаю этого (этих?) человека. Кто это может быть? Мои сослуживцы? Чушь. Знакомые? Так нету их. С кем я тут еще контактировал, кого знает еще и Ланге? Крест. Он единственный, кроме нас с Ланге, выживший при расстреле. Значит – Крест...

Радиограмма

Получен сигнал 8.

Начальнику.... отдела капитану тов. Маркову А.Т.

Сегодня в 03.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В.В.

Начальнику..... отдела..... подполковнику тов. Шергину В.А.

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.

Выполнения основного задания под угрозой.

Прошу разрешения на операцию прикрытия по варианту 2.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

Старшему группы капитану Нефедову В.А.
Разрешаю операцию прикрытия по варианту 2.
Начальник..... отдела..... подполковник Шергин В.А.

Радиограмма

Проведения операции разрешено.

Мое возвращение на службу было воспринято всеми сослуживцами как воскрешение из мертвых. Один только Беренмайер (умная голова, однако!) быстро сложил $2 + 2$ и с расспросами ко мне не лез. Надо полагать, что начальственные флюиды как-то были уловлены и всеми окружающими. Так что серьезной работой меня не грузили, я мотался по городу, инспектировал отдельные объекты и готовился к большому драпу. Проинспектировал свои запасы, даже прикупил на рынке (втридорога и из-под полы) канистру бензина. Выбрав время, наведаясь в полицию. Крест тоже куда-то исчез, знакомые полицейские сказали мне, что его услали куда-то с проверкой. Жаль! Не удалось поговорить. Выразив его сослуживцам свое сожаление по этому поводу, я понесся дальше. Единственным утешением явилось то, что и у них я выпытывал еще литров десять дефицитного топлива. Разумно решив не дожидаться окончания недельного срока, я запланировал свой отъезд на вечер пятницы. Как минимум субботу и воскресенье немцы меня не хватятся, а в понедельник я уже буду далеко.

Наконец, в пятницу я подписал у Беренмайера необходимые бумаги, отправил Хасана на заправку и сказал ему подъехать к дому часов около 19. Мысленно со всеми попрощавшись (и пожелав им коллик в боку), я потопал домой. Как бы все ни сложилось, а сюда я уже навряд ли вернусь.

Вот и знакомая подворотня, вот мой дом родной... Стоп! Я слегка замедлил шаг... Ну, вот и оно... Задержавшись еще на минутку, я переложил наган во внешний карман пальто и, не торопясь, вошел в дом. Так, лестница, площадка – никого (ну не до такой же степени там лопухи!), дверь... Есть! Предчувствия его не обманули! Вставленная мною ранее в щель между дверью и косяком щепка лежит на полу. В квартире кто-то есть! И, как мне кажется, я знаю, кто это...

Так, в прихожей пусто. Кухня... тоже никого, комната... так... ладно. Однако же я домой пришел или куда? Наган на стол, пальто на вешалку, сапоги.... стоп... Еле слышное движение сзади, щелчок...

– Здорово, Крест.

– Догадливый ты, дядя Саша.

– Поживи с мое, научишься.

Я медленно повернулся назад. Крест стоял у двери. Не ошибся я, однако. Наган в руке, смотрит мне в грудь.

– Что, так стоять и будем?

– Можно и присесть. – Не опуская револьвера, Крест свободной рукой нашарил стул, подтянул к себе и сел. Я сделал шаг в сторону и опустил на табурет.

– Ну, зачем пришел?

– Ты Ланге видел?

– Видел и знаю, что он и тебя приглашал.

Есть! Крест дернулся. Но виду не подал, так же насторожен и цепок. Глаза его внимательно отслеживают каждое мое движение.

– Откуда?

– Он сам и сказал.

– Врешь!

– А ты у него спроси.

– И спрошу.

– Ну да, так он тебе и ответил. Категории весовые у нас с тобой разные. Если я для него почти равный, то ты где-то там, внизу. Не будет он с тобой ТАК говорить.

– Что разное? – Даже револьвер в руке дрогнул.

Ага, не ожидал от зэка таких слов? Подожди, то ли еще будет!

– То самое, родной. Ты, надеюсь, за дурака меня не держишь?

– Нет. И раньше так не думал. Ты у нас человек непростой.

– Знал бы ты, милоч, насколько непростой.

– Вот и расскажи.

– Ну да. А ты потом меня шлепнешь.

– А я и без того это сделать могу.

– Ну, скажи, что я тебе такого сделал? Дорогу перешел? На твое место у Ланге нацелился?

Есть! Попал! То-то он так дернулся! Спекся парень, теперь уже яснее на горизонте стало.

А еще один заходик?

– Так ты успокойся, не пойду я к нему.

– Чего так?

– Не с руки это мне. Да и другие причины есть. Мне здесь делать нечего.

– А где же?

– А то ты недогадливый стал?

– Ты загадками-то мне не говори, – шевельнул он стволом нагана. – Что тебе еще Ланге говорил?

– Молчать буду – стрельнешь?

– Не будешь ты молчать.

– А вдруг? Терять-то мне нечего. Мне-то при любом раскладе терять неча, а вот тебе... ты ж к нему в непонятках не пойдешь, тебе ясность нужна. Без этого страшно. Да и не простят тебе ошибки.

– Доиграешься ты, дядя Саша. Вот как поговорят с тобой люди опытные...

Все! Съел!

Р-р-а-з! Пущенный сильной рукой табурет врезался Кресту в плечо, опрокидывая его на спину. Наган вхолостую шелкнул бойком, но было уже поздно...

Привязав его к стулу, я сходил на кухню и налил себе воды. Поднял табурет и уселся напротив связанного Креста. Задрал ему штанину и осмотрел рану на ноге. Ну да, как я и думал.

– Может, хватит тебе дурака валять? Очнулся уже, вон веки дрожат.

– ...

– Молчишь? Ну ладно, я не гордый. Ты помолчи пока, а я поговорю. Ты по какой линии у нас идешь? НКВД? ГУГБ? ГРУ?

Крест открыл глаза и удивленно на меня посмотрел.

– Ты не удивляйся, я много чего знаю. И про подставу вашу с побегом и расстрелом, и про Ланге. Я не знаю, сами вы этот побег затеяли или все же зэки его спланировали, но ты про него знал. А нужно тебе было позарез вместе с Ланге к немцам попасть, так, чтобы в доверии у него быть. Убеги он сам – и что? Попал бы ты к немцам, кто б тебя к нему на пушечный выстрел пустил? Подходов в зоне ты к нему не имел. Он и не вспомнил бы тебя вовсе. Значит – не нужен был тебе УСПЕШНЫЙ побег. А вот проваленный – самое то! Вот и увел тебя утром конвой вместе с другими. И назад ты вернулся уже в тюрьму. И там уже с нами вместе комедию на суде ломал. Не так?

– Заговариваешься ты. В меня же стреляли со всеми вместе.

– Вот! Я все ждал, когда ж ты про этот козырь неубиенный вспомнишь! Стреляли, это так. Вместе, но не в тебя. Помнишь, Райнхельт спрашивал, как так вышло, что у тебя раневой канал сверху вниз, не как у всех?

– Так с вышки же стреляли. Он и на плане ее видел.

– Он на плане, а я – наяву. И чтобы ты ТАКУЮ рану получил, должен ты был бы не от нее бежать, а к ней. И встать под ней почти вплотную, да еще и извернуться так, как не всякий гимнаст сумеет. У тебя пуля прошла через правую ляжку по направлению от левого плеча к правой пятке, а вышка справа стояла. Это ж какую ты позу должен был принять, чтобы тебя ТАК ранили?

Крест угрюмо молчал.

– Я уж и не знаю, как в Ланге попали, так же, как в тебя, или иначе как, но проверку МЫ все прошли. И вот как итог – он на месте, а ты с ним рядом? Так? Да не так! Дядя Саша тебе поперек горла стоит, более опытный и для Ланге более интересен. А значит – я тебе не нужен и убирать меня надобно, так? Опять молчишь? Лады, я те еще и добавлю. Синяк свой на морде помнишь?

– Так баба это...

– Под два метра ростом твоя баба! – И я описал ему внешний вид Дьяченко. Риск, да, но вряд ли Ланге стал бы посылать две разные группы. Скорее всего, одни и те же работали. Похоже, попал, вон он как скривился-то.

– Не знаю, как ты из ЭТОЙ проверки вылез, но, видимо, сумел как-то. Раз Ланге тебе поверил – и эту проверку ты прошел. А вот баба твоя, видать, услышала что-то не то, вот ее и... Сызнова молчишь?

– Да все это твои домыслы.

– Да, лопух ты псковский, я ж тебя и весь твой кодлан, как щенков сопливых, за нос по городу уже три дня таскаю! Ты домой ко мне отчего сегодня пришел? Оттого, что знали – далеко ехать хочу, бензином я где только не запасался, только б твои сослуживцы усекли! А есть у тебя и там стукачок, есть! И в конторе моей кто-то есть. И секли вы за домом, знали, что нет меня тут. Вот я укачу неведомо куда, а вернусь – вот оно предписание! И все, и рухнула твоя задача! А за ней следом и башка твоя полетит! Не достанешь ты меня у НЕГО за забором.

– Врешь ты все, дядя Саша. Повезло тебе, наган осечку дал...

– Вот же ты лопух безголовый! – Я вскинул наган и трижды нажал на спуск. Револьвер трижды сухо щелкнул. – Убедился? Да у него в барабане варенные патроны! Я их перед домом зарядил, когда тебя в квартире усек.

– Это каким таким макарон?

– А то, что в пустом доме стекла никогда не замерзают, ты знал? А меня дома два дня как нету, и замерзнуть им не с чего. А тут подхожу – здрасте, замерзли. Вот я и знал, в какой комнате ты сидишь и наган на стол положил, чтобы ты его хапнул, а не свой ствол!

Чтобы успокоиться, я стал перезаряжать наган. Искоса я посматривал на Креста, и мне он не нравился. Не так он себя ведет, не так! Есть у него козырь за пазухой. Какой?

– Чего ты хочешь, дядя Саша?

– А! Вот, наконец, заговорил по-нормальному. Мне твоя школа, может, и интересна бы была, но не сейчас. Мне ТУДА надо. К руководству вашему. И чем скорее – тем лучше. У меня и тут подарки хорошие припасены, и там для вас много чего имеется.

– И что?

– Вот ты недоверчивый какой! Ладно. Чуток поясню. Станция рванула – это ты помнишь?

– Помню, а как же.

– Моя это работа.

– Да ладно заливать-то!

– Не веришь?

– Нет.

– Тады смотри. Я на ней перед взрывом был, муку привозил на кухню. Да вот и рассыпал невзначай такие вот подарки – я достал из-под приподнятой половой доски несколько четы-

рехгранных шипов. Вот машина с взрывчаткой колеса-то и пропорола. А пока чинились – все, выезд закрыт. Приказ у них, машины с взрывчаткой в темное время суток по городу ездить не должны. А ночью я туда визит нанес, да гранату ему под кузов и подвесил. А к кардану веревочку. А веревочку к чеке. Дальше объяснять надо?

– Нет.

– И еще у меня есть чем похвастаться. Но это уже руководству твоему. Другим не скажу, не поверят. А школу твою себе забирай, мне туда лезть нельзя.

– Что так?

– Есть причины. Не приходи ты сегодня, я бы все равно туда не пошел, смотался бы.

Крест замолчал. Думал он недолго.

– Ты же все равно уезжать собрался?

– Да.

– Ну и поехали.

– И куда же?

– Ты к руководству хотел? Вот к нему и поедем.

– За линию фронта?

– Так далеко не надо. Они под городом сидят. Генерала недавно завалили, слышал ведь?

– Как не слышать, из-за этого сколько шуму было.

– Вот – их работа.

Вот это сюрприз! Но если так, задача облегчается. Они наверняка могли видеть то, что творилось на шоссе. Пусть даже и издали. Значит – проще разговаривать будет. Хороший козырь!

– Коли так – пошли.

– Ты бы мне руки развязал, что ли?

– Это чтоб ты меня еще разок приголубил чем-нибудь тяжелым? Ладно, шучу. Только ствол пока не верну, извини...

Я переоделся, вместо пальто надел полушубок, обувь тоже поменял на более теплую. Крест не мешал, сидел на стуле и о чем-то думал. Так, все ли я взял? Хабар свой... Думал с Хасаном подобрать. Сейчас? Ну, смотря как пойдем, можно и по дороге прихватить.

– Готов? – повернулся я к Кресту.

– Да, я давно готов, тебя только и жду.

– Ну, тогда и пойдем.

Мы вышли в подъезд. Креста я пропустил вперед. Спустились по скрипучим ступенькам и вышли во двор.

– Ну, куда дальше?

– За мной иди, – буркнул Крест и направился к подворотне.

За тобой так за тобой. Комендантский час еще не наступил, но уже было темновато, а в подворотне опять – хоть глаз коли. Опять лампочка не горит... Опять?! А сейчас – по какому поводу?

Скрип снега под ногами – Крест кашлянул. Вспышка! Еще одна! Выстрелы ударили прямо мне в лицо. Черт! Засада! Стрелять? Свои же! Швырнув вперед саквояж с бельем, я перекатом кувыркнулся назад-вбок. Саквояж грохнулся о стену, и в ту сторону сразу ударило несколько выстрелов. Стреляйте-стреляйте – меня там нету. Еще кувырок, на ноги, прыжок – опомнились! Меня рвануло за левое плечо, бли-и-и-н! Бегом туда! Проверенным путем через забор, в переулок, теперь в подъезд. Мимо протопали ноги – ищут? Ну хватит уже, ребята. Я вытащил из кармана наган, взвел курок. Войдут – получают по ногам. Надоело уже бегать. Но Крест – вот сволочь! Теперь понятно, что у него была подстраховка на случай осечки. Так кто кого переиграл? Однако – я жив. Значит, итог пока в мою пользу. Тихо, не слышу их. Ушли? Или где-то рядом? Рядом! Это постовые со склада! Точно, там полицейский пост.

Потому и стреляют, не опасаясь. Значит – люди Креста. Понятно, почему света нет. Ничего, подождем, время еще есть... Хасан! Он должен уже скоро подъехать. Нельзя, чтобы они его перехватили, это мой шанс выбраться сегодня из города. Кое-как перетянув шарфом левую руку (слава богу, задело не сильно), я осторожно выбрался на улицу. Прислушался – тихо. Тихонечко, бочком-бочком, вдоль стенок...

Через час я прыгал на перекрестке – ждал Хасана. Время от времени приходилось отступать в тень, по улице проходил патруль. Вот, наконец, впереди тускло моргнули фары – Хасан. Если его и удивило, где я его жду, то удивления он не высказал.

– Заедем к нам в гараж, – сказал я, залезая в машину.

– Зачем?

– Прихватим кое-что.

Хасан молча кивнул и повернул к гаражу.

Наш сторож давно уже привык к тому, что Хасан приезжает и уезжает в разное время, и вопросов не задавал. Тем более что ему иногда перепадало кой-чего от щедрот наших.

В гараже я и хранил основной хабар. Об этом никто не знал, место для тайника я выбирал особо тщательно.

Так. Документы берем все. Оружие? Все не унести. Автомат. Как раз «МП-38» и подойдет, патроны и гранаты, еще пару пистолетов – хватит. Остальное пусть ждет своего часа. Деньги? Львиная доля у Хасана, тут немного. Берем, помехой не будут. Все? Все. Отобранное уместилось в два вещмешка. Оттащив добро в кузов, я попросил Хасана перевязать мне руку. В его глазах мелькнуло удивление, но он ничего не сказал. Через полчаса мы выехали из города.

Не без тревожных ощущений и предчувствий я предъявил документы на полицейском посту у выезда из города. Подсознательно я продолжал ожидать от полиции какой-либо гадости. Кто его знает, Креста, может, уже кинул инфу на все посты? Но обошлось. Или я преувеличивал его возможности, или он до сих пор искал меня около дома, неизвестно, но полицейские пропустили нас беспрепятственно. А дежуривший на посту немец, так тот и вовсе не выглянул из будки караула. Возможно, Крест просто не ожидал от меня такой наглости, вот и не озаботился передачей информации. Так или иначе, но уже через час мы были достаточно далеко от города.

Еще два поста в деревнях мы тоже проехали с минимальными затруднениями. Я слегка прибодрился и повеселел, перестал стискивать рукоятку нагана за поясом. На развилке дорог я указал Хасану новый маршрут, и мы свернули в сторону от привычных ему путей-дорог. Еще час езды, и я начал прикидывать, под каким предлогом отошлю его домой. Вот, преодолев небольшой мост, мы поднялись на горку, на которой находились развалины поселка. Здесь у меня была сделана закладка из всяких полезных в настоящий момент мелочей.

– Притормози, – сказал я Хасану.

Скрипнув тормозами, машина остановилась.

Я приоткрыл дверь и привстал на пороге. Тихо... Немцев тут не было, ближайший гарнизон находился километрах в пяти. Повернувшись к кузову, я свободной рукой скинул на землю один мешок и потянулся за вторым.

И в этот момент что-то твердое уткнулось мне в бок.

– Оставь вещи, – тихо и невозмутимо проговорил Хасан. – Тебе не надо.

Я опустил взгляд вниз.

В руке Хасана был зажат пистолет, ствол которого и упирался мне в поясницу.

– Это что?

– Ты собрался бежать?

– Нет, у меня тут дело.

– О котором я ничего не знаю?

– Ты и так раньше знал не обо всем, и тебе это не мешало.

– Раньше тебя не забирали немцы. Раньше ты не ходил подстреленный. Раньше мы сюда не ездили, это уже не наш район.

– Не было надо – и не ездили.

– Врешь, – Хасан покачал головой. – Я спрашивал женщин на работе, куда едем. Это место осталось сзади, километров тридцать.

– Они не могут всего знать, мне Беренмайер приказал лично.

– Оставь мешок в кузове. Спустишься и открой тот, что на земле. Оружие положи на сиденье. Делай все медленно, чтобы я всегда видел твои руки.

Положив наган на сиденье, я осторожно спустился на землю. Подойдя к мешку, я расшнуровал его горловину и наклонил ее в сторону Хасана. В мешке были папки с документами и трофейные зольдатенбухи.

– Что во втором?

– То же самое.

– Деньги?

– Дома лежат.

– Опять ты врешь. Ты ранен, к доктору не пошел. Домой не пошел, даже я тебя там лучше бы перевязал. Ты отчего-то решил убежать и ничего не сказал мне. Я вернусь один, и меня поставят к стенке.

– Если ты меня застрелишь, то, опять же, вернешься один. И тебя поставят туда же.

– Я простой водитель, оружия у меня нет. Привезу тебя и скажу, что это были партизаны.

– Так что ж не стреляешь?

Хасан улыбнулся:

– Ты умный. Ты не просто так везешь эти бумаги. Ты всегда брал себе бумаги и документы, денег мало брал. Значит, есть кто-то, кому они нужны, и этот кто-то не пожалеет денег. Я хочу знать, кто это и как его найти. Что ему сказать и сколько он должен заплатить?

– Зачем мне это тебе говорить?

– Тогда я просто тебя убью. Не скажешь, я прострелю тебе ноги и руки и все равно узнаю. Только это будет тебе больно. Так что лучше говори сам.

– А если я совру?

Хасан снова улыбнулся. Нехорошая это была улыбка, недобрая.

– Попробуй.

– Хорошо. Я не буду встречаться с заказчиком. Он подозрителен и тоже не верит мне. Деньги лежат здесь, в тайнике. Я должен оставить там документы. Но ты не сможешь их взять, тайник заминирован.

– Но ты – можешь?

– Да, я знаю, как снять мину. Но ты должен пообещать, что не убьешь меня, дашь уйти. Я хочу уйти отсюда, в городе уже стало плохо.

– Что будет, если ты не оставишь документов и сбежишь с деньгами?

– Он сдаст меня немцам. Я этого не хочу, они и так уже что-то подозревают. А я уже стар, чтобы бегать как заяц еще и от них.

– Ты что-то придумал. Ты хитрый, но и я тоже не дурак. Повернись спиной.

Делать нечего, придется выполнять. Он сидит в кабине, с боков и сзади закрыт, спереди ствол, не подойти. Я медленно повернулся, не опуская рук.

– Держи.

Около моих ног упала веревка.

– Обвяжи ее вокруг пояса.

Пока я обвязывал веревку, Хасан сбросил из кузова второй мешок.

– Бери их и иди вперед. Не дергайся и не дури. Я, конечно, не такой стрелок, как ты. Но вблизи не промахнусь.

Делать было нечего, и, взвалив мешки на плечи, я потопал вперед. Метров через триста мы подошли к разбитому дому.

– Это здесь. Там, в доме, есть подвал и в нем тайник.

– Мина где?

– Не знаю. Может, она тут вообще не одна, может, тут все вокруг заминировано. Знаю, как сделать, чтобы она не взорвалась.

Ага! Это Хасану не понравилось! Он оглянулся по сторонам, ища место для укрытия. Подойдя ко мне, он приставил ствол пистолета к спине и начал ощупывать меня свободной рукой.

– Что ты делаешь?

– Ты хитрый, вдруг у тебя второй ствол есть? Отойдешь туда и выстрелишь, когда я не буду видеть твоих рук.

Да, Хасан, ты, конечно, прав – я хитрый, но второго ствола у меня с собой нет. Правда, от этого тебе не легче... Проворот на месте, и пистолет в руке Хасана бабахнул в пространство! Удар локтем, захват, еще поворот – вот уже пистолет в его руке упирается в бок хозяину. Приглушенный телогрейкой, выстрел был совсем негромким. Хасан обмяк и сполз на землю. Перехватив его пистолет, я выстрелил еще раз. Все...

Я опустился на землю, продолжая сжимать в руке пистолет. Хасан... Надо же, вот ведь какие мысли зрели у него в голове все это время... Если бы не его патологическая жадность... Однако надо что-то делать. Тайник хорош, но придется его бросить, если немцы найдут тут труп Хасана, то как минимум осмотрят все вокруг и по следам придут сюда. Если найдут труп... Найдут, но не здесь!

Быстро убрав мешки в тайник, я отволол труп Хасана к машине и погрузил его в кабину. Доехав до спуска к реке, я остановился и пересадил его за руль. Отойдя от машины, я дал по кабине пару очередей из автомата, превратив ее в решето. Двигатель еще работал, и, когда я, слегка потеснив Хасана, включил передачу, машина рывком дернулась вперед. Так, теперь подправим рулем... Я спрыгнул на землю, проводив ее взглядом. Проломив перила, машина грохнулась с моста в реку.

Радиограмма

Операция по варианту 2 удалась частично. Объект был ранен, и в настоящее время его местонахождение неизвестно. По имеющимся данным, впоследствии погиб при аварии автомашины. Проверка этих сведений в настоящее время производится.

Начальнику.... отдела капитану тов. Маркову А.Т.

Сегодня в 03.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В.В.

Начальнику..... отдела..... подполковнику тов. Шергину В.А.

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.

Текст прилагается.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

Старшему группы капитану Нефедову В.А.

Организовать поиск Манзырева А.М. При обнаружении – ликвидировать.

Операцию «Снег» – продолжать по ранее утвержденному плану.

Начальник..... отдела..... подполковник Шергин В.А.

Радиограмма

Под вашу личную ответственность с получением сего организовать поиск Манзырева А.М. При обнаружении – ликвидировать. Ориентировать на это все ваши агентурные возможности и прочие силы. Об исполнении доложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.